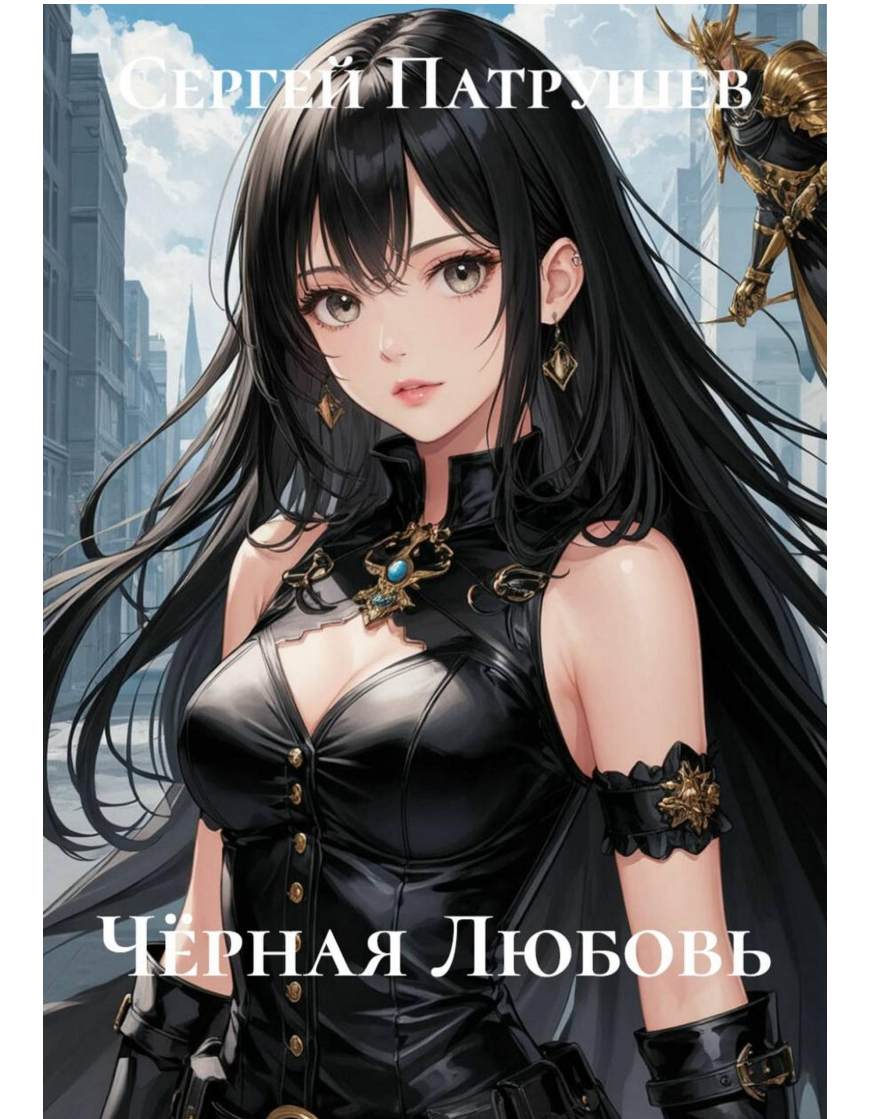

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ЧЁРНАЯ ЛЮБОВЬ

Сергей Патрушев

Чёрная Любовь

<https://litres.ru/74467787>

SelfPub; 2026

Аннотация

В переулках Кривого Шпиля грязь рождает королев.

Алиса поднялась из сточных вод, сжимая в руке запретную Книгу и единственное сокровище — жизнь младшего брата. Её оружие не сталь, а чужие пороки: похоть генералов, жадность банкиров и слепая вера фанатиков.

Она предлагала спасение, но дарила ошейники. Каждый её танец на костях Империи делает её сильнее, а мир холоднее. Но когда власть абсолютна, самой страшной пыткой становится эхо собственного одиночества.

Богиня требует жертв, пока сама не превратится в памятник своей пустоте.

Содержание

Глава 1. Грязь и золото	4
Глава 2. Первая сделка	27
Глава 3. Вкус богатства	47
Глава 4. Рыцарь на коленях	64
Глава 5. Салон отверженных	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Патрушев

Чёрная Любовь

Глава 1. Грязь и золото

Дождь в Аврелиане никогда не был чистым. Он рождался где-то над Нижним кольцом, впитывая по пути копоть из тысяч фабричных труб, жирную сажу от литейных цехов на окраинах и миазмы гниющих отходов, которые десятилетиями сбрасывали прямо в сточные канавы Старого порта. К тому времени, когда тяжелые капли долетали до дна ущелий между многоэтажными доходными домами района Кривой Шпиль, они превращались в жидкую грязь цвета остывшего пепла. Эта грязь была повсюду. Она заливала выбоины в брусчатке, висела в воздухе маслянистым туманом, пропитывала одежду до самого тела и въедалась под ногти так глубоко, что никакая щетка уже не могла её достать.

Алиса знала эту грязь с первого дня своей жизни. Для неё она пахла кислой капустой, дешевой брагой, застарелым потом и безысходностью. Этот запах шел от стен их каморки на седьмом этаже дома номер четырнадцать по улице Гончаров, где протекала крыша, а сквозь щели в рассохшихся половицах можно было видеть тусклые лампы соседей снизу. Он исходил от рук её отца, грузчика в порту, чьи пальцы были

навсегда скрючены ревматизмом и покрыты незаживающими мозолями. Он стоял невидимым облаком вокруг матери, которая кашляла кровью в рваную тряпицу, пытаясь скрыть это от детей, но лишь тратя последние гроши на горькие травяные сборы, которые всё равно не помогали.

Но сама Алиса оставалась чистой. В свои семнадцать лет она обладала той редкой, почти оскорбительной для этого места красотой, которая казалась здесь чужой ошибкой природы. У неё были волосы цвета старой меди — густые, волнистые, слишком яркие для дочери нищего. Когда дождь смывал с них угольную пыль, они вспыхивали в полумраке лестничных пролетов живым огнем. Её глаза, огромные и темные, смотрели на мир не со страхом или смирением, как у большинства обитателей Кривого Шпиля, а с холодным, оценивающим прищуром хищной птицы.

Она научилась ходить по липким от грязи улицам так, словно ступала по мрамору дворцовых залов Верхнего кольца. Спина прямая, подбородок чуть вздернут, плечи расправлены. Местные мальчишки-оборванцы сначала пытались кидать в неё комья влажной земли и плевать вслед, но быстро отставали. Было в её молчании, в том, как она игнорировала насмешки, продолжая смотреть куда-то поверх их голов, нечто пугающее. Казалось, если бросить в неё камень, он просто разобьется о невидимую стену её воли.

Сегодняшний вечер ничем не отличался от тысячи предыдущих. Вода хлестала по покатым крышам, сливаясь в ре-

вущие водопады вдоль водосточных труб. В подвале дома прорвало трубу, и мутная жижа начала медленно подниматься по лестнице, грозя затопить первые этажи. Седьмой пока оставался сухим, но воздух стал еще более спертым и тяжелым. Отец вернулся домой поздно, пропахший дешевым пойлом и чужим перегаром. Он швырнул на колченогий стол пару медяков — плату за смену, с которой трактирщик об- считал его ровно наполовину.

— На два дня, — буркнул он, тяжело опускаясь на табу- рет. — Если завтра хозяин не даст аванс, будем жрать воду.

Мать ничего не ответила, только глубже закуталась в шаль, сотрясаясь в очередном приступе кашля. Младший брат, шестилетний Томас, спал на единственной кровати, свернувшись калачиком. Его худое тельце казалось прозрач- ным в свете чадающей сальной свечи.

Алиса молча взяла медяки. Два дня. Двадцать четыре часа голода, прежде чем отец снова сломается и пойдет просить в долг к ростовщику Финчу, отдавая за каждый серебряный империал половину души.

«Я больше не хочу быть никем», — подумала она, сжимая холодный металл в ладони. Это была не молитва и не жало- ба. Это было решение, выкованное из холодной ярости. Она посмотрела на свои руки. Тонкие запястья, длинные пальцы, чистая кожа — аристократические руки, заточенные в клет- ку трущоб. Они заслуживали держать не пустые медяки, а власть. Настоящую власть, перед которой склоняются голо-

вы лавочников, стражников и даже надменных господ из-за Стального моста.

Когда родители забылись тяжелым сном, а Томас тихо посапывал во сне, Алиса накинула на плечи старый прорезиненный плащ. Капюшон полностью скрыл её лицо. Она выскользнула за дверь, бесшумно миновав лужу у порога.

Ночной Аврелиан жил своей собственной жизнью. Из подпольных кабаков доносились звуки расстроенного пианино и пьяные вопли. Где-то наверху, в богатых кварталах, сейчас играли симфонические оркестры, но сюда, вниз, долетали лишь искаженные эхом басы. Алиса шла уверенно, сворачивая в такие переулки, где даже патрульные гвардейцы Империи предпочитали появляться только днем и большими отрядами. Она знала каждую трещину в этих стенах.

Её целью была Старая Башня. Осколок Эпохи Раскола, торчащий посреди трущоб, как сгнивший зуб великана. Говорили, что пятьсот лет назад здесь стояла дозорная вышка магов Конклава, которую взорвали изнутри во время восстания черни. От башни остался лишь искрошившийся базальтовый фундамент да спиральный пандус, уходящий вверх метров на тридцать, заканчивающийся огрызком стены. Место считалось проклятым. Дети боялись подходить к нему ближе чем на сто шагов, а взрослые обходили десятой дорогой, бормоча молитвы Четырём Хранителям. По ночам из пролома иногда сочился бледный, тошнотворно-зеленый свет.

Алиса остановилась у подножия. Дождь здесь шумел иначе — гулко, ударяясь о древние камни. Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как привычная вонь города сменяется запахом озона, мокрого камня и чего-то третьего... минерального, похожего на запах крови после того, как лизнешь порезанный палец.

Вход внутрь преграждала ржавая решетка, намертво вросшая в землю. Но слева, там, где корни старого платана взломали кладку, зиял узкий лаз. Алиса сбросила плащ прямо в грязь — вещь недорогая, купит новую, если выживет — и протиснулась внутрь.

Внутри царила абсолютная, противоестественная тишина. Звук дождя отрезало стеной древнего камня. Воздух был сухим и вибрировал от скрытого напряжения, заставляя волоски на руках вставать дыбом. Подъем дался нелегко. Каменные ступени осыпались под ногами, скользя от влаги. Один раз Алиса едва не сорвалась, повиснув на кончиках пальцев над тридцатиметровой пустотой, дно которой терялось во мраке. Сердце пропустило удар, но рука нашла опору. Страх смерти её не пугал; пугала мысль умереть вот так, бессмысленно, соскользнув с грязной ступеньки.

Площадка на вершине встретила её ледяным ветром. Крыши Аврелиана отсюда казались черно-серым океаном, по которому пробегали вспышки далеких молний. Пролом в стене обрамлял кусок неба, затянутого тяжелыми тучами. И именно оттуда, из этой черной пасти, лился тот самый зе-

ленный свет. Он не освещал пространство, а скорее поглощал тени, делая тьму вокруг еще гуще.

На полу, среди обломков черепицы и птичьего помета, лежала книга.

Она выглядела абсолютно неуместно в этом месте запустения. Массивный фолиант в переплете из материала, который Алиса сперва приняла за очень темное дерево, но, коснувшись, поняла — это плотная, чешуйчатая кожа неизвестного существа. Обложка была теплой на ощупь, несмотря на промозглый ветер, и мелко пульсировала под пальцами, словно сердце. Ни замка, ни надписей. Только тяжелый, мускусный аромат сухих благовоний и пыли веков.

Алиса опустилаcь на колени прямо в грязь. Её ум, острый и быстрый, всегда бывший её единственным оружием, работал лихорадочно. Чернокнижие. Запретные искусства. За одно хранение такой книги Инквизиция сжигала целые семьи заживо. Но те, кто владел ею, могли двигать горы. Или хотя бы наполнять кошельки золотом.

Она провела ладонью по шершавому переплету. Книга отозвалась тихим, довольным урчанием, которое ощутила не уши, а кости.

— Что тебе нужно? — прошептала Алиса, наклоняясь ниже. Губы сами собой прижались к теплой коже обложки.

Ответ пришел не словами. Он возник прямо в её сознании — вязкая, бархатная тьма, заполнившая череп до краев. Тьма не предлагала сделку, она констатировала факт. Ей

нужна была *дверь*. А Алисе нужен был *ключ*.

Девушка отпрыгивала, тяжело дыша. Паники не было. Был азарт первооткрывателя и леденящий восторг падения в бездну. Она понимала правила игры лучше, чем любой книжник из Академии. Магия такого уровня никогда не дается даром. Она потребует платы. Кровью, болью, чужими жизнями или самой душой. Но душа Алисы давно принадлежала этим трущобам, и цена избавления казалась ей справедливой.

Она раскрыла книгу. Страницы были сделаны не из бумаги. Это были тонкие пластины слюды, на которых символы горели внутренним багровым светом. Язык был ей незнаком, буквы извивались, как живые змеи, меняя форму прямо под взглядом. Но смысл впечатывался в мозг раскаленным клеймом.

«Первое Слово открывает рот. Второе Слово заставляет слушать. Третье Слово делает тебя Голосом».

Алиса не собиралась читать вслух. Она знала легенды о тех, кто призывал демонов своим голосом и выжигал себе легкие вместе с языком. Она читала глазами, впитывая структуру плетения, геометрию силы. Она видела, как нити реальности истончаются перед ней, становясь податливыми, как разогретый воск.

Тьма внутри книги потянулась к ней. Сначала это ощущалось как легкое касание паутины к лицу. Затем нить стала толще, оплетая её сознание. Алиса закрыла глаза, позволяя этому потоку войти. Боль пришла мгновенной вспышкой —

будто в основание черепа вбили раскаленный гвоздь. Мир исчез, остались только цифры, линии вероятностей и вес материи.

Она увидела монету. Не абстрактно, а физически, вплоть до расположения атомов в кристаллической решетке металла. Медная основа, покрытая тонким слоем дешевого серебра. Идеальная подделка имперского солида. Фальшивомонетчики убивали за умение создавать такое, используя смертельно опасные кислоты и месяцы труда.

Магия предложила путь проще. Иллюзию плотности. Изменение локального гравитационного коэффициента. Переструктуризацию поверхностного слоя.

Алиса открыла глаза. На грязном камне перед книгой лежала монета. Обычный потертый солид с профилем Императора Августа. Девушка медленно протянула руку. Её пальцы дрожали — впервые не от холода, а от предчувствия триумфа.

Она взяла монету. Вес был идеальным. Металл приятно охлаждал кожу. Ребро монеты четко рифленое. Алиса прикусила её — зубы встретили ожидаемое сопротивление настоящего золота и серебра. Она сжала кулак. Монета не расплавилась, не превратилась в уголь, не обожгла руку льдом. Она осталась твердой, реальной, материальной.

Первый контакт состоялся. Тьма вошла в неё, оставив после себя звенящую пустоту и фантомную боль в зубах. Алиса почувствовала, как температура её собственного тела упала

на несколько градусов. Жизнь начала медленно утекать из кончиков пальцев — крошечная плата за подлинность вещи. Почти незаметная. Пока.

— Работает, — выдохнула она, и пар изо рта тут же превратился в зеленоватое облачко, растворившееся в воздухе.

Она сунула монету в карман, надежно спрятав её под подкладкой. Теперь нужно было проверить её в мире живых.

Спуск занял меньше времени. Адреналин и новая, чужеродная сила делали её движения легкими и точными. Выбравшись из лаза, она подобрала плащ. Ткань промокла насквозь и весила тонну, но Алиса даже не поморщилась. Она накинула капюшон и вышла под дождь, который теперь казался ей просто водой — безвкусной и пресной по сравнению с тем ядом, что тек в её венах.

Первым делом она направилась не в районную бакалею, где её знали в лицо и отпускали хлеб в долг до слез матери. Нет. Она пошла в Нижний город, к круглосуточной пирожковой вдовы Марты — месту, где вечно толклись ночные извозчики, мелкие контрабандисты и сонные стражники с ночной смены. Там принимали любые деньги, не глядя на профиль императора, лишь бы серебро звенело.

Алиса встала в очередь. Мокрые мужчины в грубых куртках смеривали её любопытными взглядами — красивая девочка одна, ночью, под таким ливнем. Обычно такие либо продают себя, либо ищут неприятности. Но никто не рискнул подойти. От девушки исходила странная аура, заставляв-

шая держаться на расстоянии.

— Пирог с требухой, — сказала она, когда подошла её очередь. — И кружку горячего сидра. Итого?

Толстая Марта, женщина с лицом, похожим на печеное яблоко, назвала цену. Три медяка.

Алиса достала свой золотой солид. Положила его на влажную деревянную стойку.

В пирожковой мгновенно стихли все разговоры. Даже треск дров в печи показался оглушительным. Сидевший в углу стражник положил руку на рукоять алебарды. Контрабандист перестал жевать. Все взгляды сошлись на монете.

Марта смотрела то на идеальный профиль Августа, то на лицо Алисы. В глазах торговли мелькнул испуг. Золотой солид в Кривом Шпиле — это либо провокация тайной полиции, либо кровь. Чаще всего второе.

— Ты где это взяла, девка? — просипела Марта, не притрагиваясь к металлу.

Алиса посмотрела ей прямо в глаза. Никакого страха. Внутри неё ворочалась та самая бархатная тьма, напоминая о своем присутствии приятным теплом в груди.

— Заработала, — спокойно ответила она. — Сдачи не надо.

Это слово «заработала» прозвучало в душной пирожковой как приговор всему миру грязи, долгов и безнадежности. Оно означало, что старые правила больше не действуют.

Марта, поборов секундное оцепенение, схватила монету

пухлыми пальцами и с невероятной скоростью швырнула её под стойку, в денежный ящик. Звякнул ключ.

— Горячий будет, — пробормотала она, отворачиваясь к печи, пряча глаза. — Садись вон туда, в угол.

Алиса села за липкий стол. Перед ней поставили исходящую паром кружку и огромный, истекающий жиром пирог. Она откусила первый кусок. Мясо было жестким, тесто — кислым, сидр — разбавленным. Но это была самая вкусная еда в её жизни. Еда, купленная на настоящее золото. На золото, созданное силой, от которой сходят с ума магистры Академии.

Она ела медленно, наслаждаясь каждым глотком, наблюдая за людьми в зале. Они видели красивую девушку, жадно поглощающую ужин. Никто из них не видел костлявую руку Тени, ласково поглаживающую её по затылку. Никто не чувствовал, как с каждой минутой тепло человеческого тела покидает её, уступая место прохладному, вечному спокойствию мертвых звезд.

Она съела всё до последней крошки. Оставила на столе пустой стакан. Встала. Накинула капюшон. И вышла обратно в ночь, под черный дождь Аврелиана.

За спиной, в денежном ящике вдовы Марты, фальшивый имперский солид начал медленно покрываться изморозью. Температура дерева вокруг него падала ниже нуля. Дерево начало трещать от внутреннего напряжения. Через час монета обратится в кучку черного, невесомого праха, оставив

после себя лишь идеально ровное круглое отверстие в дубовой доске. Но Алисы здесь уже не будет. Она возвращалась в свою каморку, неся в животе сытость, а в позвоночнике — первое, самое сладкое опьянение властью.

Грязь снаружи никуда не делась. Но теперь Алиса знала, что может превратить её в золото одним усилием мысли. И это знание навсегда отделило её от людей, оставшихся спать в своих сырых постелях этажами ниже. Первая глава её новой жизни была написана зеленым светом на страницах из содранной кожи, и обратной дороги не существовало. Впереди была только бесконечная, сияющая тьма.

Дом встретил её тяжелой духотой и храпом отца. Мать снова заходилась в кашле за тонкой перегородкой. Томас что-то жалобно бормотал во сне.

Алиса сняла мокрый плащ, бросив его прямо на пол. Достала из кармана вторую монету — обычный медяк, который она предусмотрительно разменяла у Марты на сдачу (торговка, желая поскорее избавиться от опасной клиентки, дала ей серебра гораздо больше, чем следовало).

Она подошла к столу. Масляная лампа почти догорела, фитиль плавился в остатках жира. Алиса зажгла новую свечу — толстую, восковую, купленную на украденную сдачу. Желтый свет упал на её лицо, сделав черты резче, старше. Исчезла девочка-подросток. В зеркале дешевого оловянного подноса отразилась молодая женщина с древними, голодными

ми глазами.

Она села на единственный стул и выложила перед собой заработок сегодняшнего вечера: две серебряные марки, пять медяков мелочью и один маленький, тускло блеснувший в темноте алмаз. Огранка была грубой, промышленной, камень предназначался для промышленных резцов, но это был алмаз. Настоящий.

Магия позволила ей вытащить его прямо из угольной породы старых шахт Южного хребта, минуя сотни миль расстояния. Цена перемещения оказалась выше: левая рука от плеча до кисти онемела и потеряла чувствительность. Пальцы стали белыми, как мел. Алиса пошевелила ими. Ощущение было похоже на работу с деревянной протезной клешней. Неважно. Чувствительность вернется через пару дней. Главное, что камень настоящий. Завтра она отнесет его скупщику краденого Исааку-Бороде. За такой самородок он даст достаточно, чтобы снять комнату в Среднем кольце, купить матери хорошего лекаря, а отцу — место смотрителя склада вместо каторжного труда в порту.

Или нет.

Мысль возникла внезапно, холодная и ясная, как лезвие скальпеля. Зачем лечить гниющую рыбу? Зачем чинить прогнившую лодку, которая всё равно пойдет ко дну при первом шторме?

Семья тянула её на дно. Любовь к ним была биологическим рудиментом, слабостью, роскошью, которую она боль-

ше не могла себе позволить. Каждый день, проведенный рядом с их бессилием, воровал у неё саму возможность стать кем-то. Их долги станут её долгами. Их болезни — её уязвимостью. Стража придет за ней не потому, что она прочитала запретную книгу, а потому, что сосед услышит кашель матери и донесет ради лишней похлебки.

Алиса взяла алмаз в здоровую правую руку. Холодный, многогранный, совершенный. Символ власти.

«Я больше не хочу быть никем».

Эта фраза, сказанная вечером, теперь приобретала окончательный, пугающий смысл. Чтобы стать кем-то в Аврелиане, нельзя просто подняться по социальной лестнице. Лестницу охраняют те, кому выгодно, чтобы ты оставался внизу. Значит, лестницы недостаточно. Нужно научиться летать. Или заставить других носить тебя на руках.

Она аккуратно завернула алмаз в клочок чистой ткани и спрятала его в расшатанную половицу под кроватью брата. Томас заворочался во сне, но не проснулся. Алиса поправила на нем одеяло. Жест получился механическим, лишенным теплоты. Так хозяйка укрывает ценную вещь, оберегая её от сырости.

Затем она вернулась к столу. Открыла сумку и достала книгу. Та скользнула в руки легко, став намного легче, чем была в башне. Она выпила её первую жажду. Выпила немного боли, немного тепла, немного будущего. Теперь книга была сыта и готова ждать.

Алиса положила фолиант на колени и открыла наугад. Багровые символы на слюдяных страницах приветственно замерцали.

— Как мне называть тебя? — спросила она шепотом, зная, что ответа не последует. У таких вещей нет имен. Есть только функции.

Книга ответила изменением рисунка знаков. Они сложились в короткую формулу. Формулу Присвоения. Права собственности.

Алиса улыбнулась уголком губ. Она приложила ладонь к обложке. Плоть соприкоснулась с живой кожей переплета. Произошел короткий разряд, похожий на статический щелчок, и книга окончательно признала её хозяйкой. Теперь никто другой не смог бы открыть её. Попытавшийся получил бы безумие или мгновенную смерть — смотря что милосерднее.

Она провела пальцем по строке текста. Буквы извивались, складываясь в понятные слова родного языка:

«Тот, кто пьет из Источника первым, определяет вкус воды для всех остальных».

Источник. Вот как оно называется. Не Тьма. Не Бездна. Источник. Первозданная субстанция творения, изнанка мира, куда боятся заглядывать даже боги, потому что там нет морали. Там есть только причинно-следственные связи. Нажми здесь — получишь результат там. Хочешь гору золота? Плати годами жизни. Хочешь исцелить умирающего? Плати

здоровьем другого, совершенно здорового человека. Баланс. Великолепный, жестокий баланс.

Алиса закрыла глаза, погружаясь в легкий транс. Она отпустила свое сознание течь по каналам магии, которые книга прорубила в её ауре. Она осмотрела свое тело изнутри. Увидела мерцающие узлы силы в основании мозга, в солнечном сплетении, в крестце. Увидела серые пятна истощения на левой руке. И увидела ту микроскопическую долю своего жизненного срока, которая сгорела сегодня вечером ради золотого солида. Ровно семь часов. Всего семь часов жизни за иллюзию благополучия.

Выгодный обмен. Семь часов прозябания в Кривом Шпиле не стоят и ломаного гроша. Год жизни в Среднем кольце стоит дороже. Десять лет в Верхнем — бесценны.

Она начала планировать. Первый этап: капитал. Нужны деньги, много денег, чистые деньги, которые не будут испаряться через час после получения. Алмазы, редкие металлы, произведения искусства из разграбленных коллекций Старого города. Магия позволяла перемещать небольшие предметы. Телепортация. Пространственный карман.

Второй этап: влияние. Люди. Толпа любит красивых и щедрых. Стража любит взятки. Мелкие банды любят сильного вожака. Она станет им. Королевой дна.

Третий этап: месть. Тем, кто смотрел на неё сверху вниз. Тем, кто называл её мать шлюхой за то, что та мыла полы в их чистых домах. Тем, кто покупал девочек вроде неё за

пару серебряных монет. Она покажет им настоящую грязь. Грязь из Источника, которая разъедает не одежду, а душу.

Скрипнула дверь. В комнату вошел отец. Он был трезв — значит, потратил последние медяки на опохмел, а не на еду. Его большое, рыхлое тело заполняло собой весь дверной проем. Красные глаза опухли, сизый нос блестел.

— Опять шлялась? — прохрипел он, обдавая дочь запахом кислого перегара. — Жратвы принесла?

Обычно Алиса опускала голову, отступала в тень, стараясь стать невидимой. Сегодня она осталась сидеть неподвижно, держа книгу на коленях. Зеленые отсветы с невидимых страниц плясали на её лице.

Отец шагнул вперед, нависая над столом. Его огромная, покрытая мозолями ручища потянулась к её волосам — привычный жест унижения, желание утвердить свою власть последнего мужчины в доме.

— Папочка недоволен? — голос Алисы прозвучал тихо, но в нем лязгнул металл. Тот самый металл, из которого чеканят мечи палачей.

Мужчина замер. Он привык к покорности. К забитому взгляду. Сейчас на него смотрели глаза существа, которое уже похоронило его в уме. Рука зависла в воздухе.

— Дай денег, — потребовала Алиса. — Мне нужны деньги на лекарство. Мать захлебывается кровью. Еще неделя, и мы будем спать рядом с трупом. Дай денег, или завтра твои почки найдут плавающими в канале за бойнями.

Она блефовала. Почти. Книга подсказывала ей анатомию. Показывала точки давления. Демонстрировала, как выглядит человеческое тело, когда артерии вскрываются изнутри от одного легкого ментального усилия.

Лицо отца пошло пятнами. Страх боролось в нем с многолетней привычкой к насилию. Насилие победило. Он замахнулся, намереваясь ударить её наотмашь, сбить с табурета, втоптать обратно в грязь, напомнить, кто здесь главный.

Алиса не двинулась с места. Она просто представила, как перекрывается доступ кислорода в его мозг. Простейшее плетение. Эффект удавки без самой веревки.

Рука отца замерла на середине замаха. Пальцы судорожно разжались. Он схватился за собственное горло, выпучив глаза. Лицо налилось дурной синевой. Колени подогнулись, и туша весом в десять стоунов рухнула на грязный пол, задев шаткий стол. Посуда зазвенела. Свеча едва не погасла.

Он хрипел, царапая шею ногтями, пытаясь вдохнуть воздух, которого не было. Алиса смотрела на него без злобы, с исследовательским интересом ученого. Вот оно. Реальное применение силы. Устранение препятствий.

Прошло двадцать секунд. Время достаточное, чтобы нанести непоправимый вред мозгу, но недостаточное для смерти. Она плавно ослабила хватку.

Воздух со свистом ворвался в его легкие. Отец скорчился на полу, блюя желчью и дрожа всем телом. Он плакал — беззвучно, некрасиво, размазывая слезы и сопли по одутло-

вatomу лицу. Великий грузчик, гроза домашних, превратился в слизняка.

— Вставай, — приказала Алиса.

Он попытался ползти, но ноги не слушались. Тогда она поднялась, обошла стол и пнула его в бок — сильно, расчетливо, как пинают собаку. — Я сказала, вставай. Нам нужно поговорить о будущем нашей семьи.

Отец поднял голову. В его глазах плескался чистый, животный ужас. Впервые за всю жизнь он увидел в своей дочери не ребенка, не обузу, а собственную смерть, примеривающую маску.

— Ты... ты ведьма, — просипел он.

Алиса усмехнулась. Впервые за вечер искренне, широко и страшно. — Нет, папа. Ведьмы просят помощи у духов и варят зелья из жаб. Я — бухгалтер. Я просто свожу дебет с кредитом. А наш семейный баланс, — она обвела рукой их жалкую комнатку, — находится в критическом минусе.

Она перешагнула через его ноги и подошла к двери, ведущей в родительскую спальню. Приоткрыла её. Мать металась в бреду, белая как полотно.

— У нас есть два пути, — продолжила Алиса, не повышая голоса, чтобы слышал только отец на полу. — Первый. Мы продаем Томаса в подмастерья к кузнецу. Денег хватит на полгода, потом мальчик останется без пальцев или сгорит в цеху. Мать умирает через месяц. Тебя находят в петле от невыносимого горя. Я иду на панель к Финчу, и через год

мои кишки выпускают наружу за долги. Классическая история Кривого Шпиля. Очень трогательно.

Отец пытался отползти, отталкиваясь каблуками от до-сок.

— Второй путь, — Алиса закрыла дверь спальни. — Ты перестаешь пить. Вообще. Завтра идешь к старшему бригадиру доков. Валяешься в ногах, лижешь сапоги, делаешь что угодно. Просишь должность старшего учетчика. Работа собачья, платят медяками, зато стабильно. Ты приносишь каждый грош мне. До последнего. Никаких карт, никакого вина.

Она присела перед ним на корточки. Её красивое лицо оказалось в дюйме от его лица. Зеленый огонь древней книги отражался в расширенных зрачках отца.

— Мать получает лучшего врача. Томаса я заберу к себе, как только сниму жилье. Он получит образование. А ты... ты будешь жить долго. Очень долго, папа. Потому что ты станешь моим гарантом. Моей страховкой. Если я вдруг исчезну или попаду в застенки Тайной Канцелярии, отвечать будешь ты. Каждая моя ошибка будет стоить тебе пальца. Каждое мое неудобство — твоего ребра. Ты понял условия контракта?

Мужчина часто закивал. Слезы текли по его бульдожьим щекам непрерывным потоком. Он был сломлен. Полностью и окончательно.

— Да... госпожа... — выдавил он новое, страшное слово. Алиса удовлетворенно кивнула. Контракт был заключен.

Первое приобретение. Самый дешевый, самый бесполезный актив, который всё же давал ей крышу над головой и статус сироты при живом отце, что избавляло от лишних вопросов социальных инспекторов.

Она встала, оправила юбку. — Свободен. Ползи в свою конуру. И попробуй только дотронуться до бутылки. Я узнаю. Поверь, падение с семи этажей покажется тебе тогда благословием.

Он пополз. На четвереньках, как побитая собака, огибая ножки стола, прочь от неё, в темноту коридора.

Оставшись одна, Алиса подошла к окну. Дождь немного утих, превратившись в мерзкую морось. Город утопал в огнях — газовых фонарях богачей и тусклых лучинах бедняков. Аврелиан дышал, переваривая миллионы судеб.

Она прижалась лбом к холодному стеклу. Левая рука всё еще висела плетью. Легкие казались двумя кусками льда. Энергия Источника выгорала, оставляя после себя свинцовую усталость и сосущий голод, который невозможно утолить едой.

Но внутри, там, где раньше жила маленькая испуганная девочка, мечтавшая о красивом платье и теплом хлебе, теперь сидел холодный, безупречно работающий механизм. Машина из амбиций, расчета и заемной мощи.

Она достала из-за пазухи мешочек с серебром, полученный от Марты. Пересчитала монеты. Много. Больше, чем её семья видела за последний год.

Алиса подошла к кровати брата. Томас спал, подложив ладонку под щеку. Во сне он улыбался. Ему снилось что-то хорошее.

Она осторожно, двумя пальцами здоровой руки, вынула из его сжатого кулачка маленькую глиняную фигурку лошади — единственную игрушку мальчика, которую он берег как сокровище. Алиса подержала её мгновение, рассматривая неровные бока, вылепленные детской рукой. Затем размахнулась и с силой швырнула фигурку в стену. Глина рассыпалась в пыль.

Томас дернулся во сне, нахмурился, но не проснулся.

Игрушкам не место в арсенале. Сентиментальность — это коррозия, разрушающая сталь характера. Брат — это инвестиция. Проект. Будущий управляющий её делами или политический заложник. Нежность сделает его слабым. Пусть учится быть сильным сразу.

Она вернулась к столу. Потушила свечу, погрузив комнату в густой мрак, разгоняемый лишь тусклым уличным светом. Разделась донага, скидывая влажную, вонючую одежду на пол. Упала на кровать, даже не набросив одеяла.

Сон пришел мгновенно, тяжелый и черный, без сновидений. Но даже в беспамятстве её правая рука продолжала цепляться за край простыни, словно удерживая равновесие над разверстой под ногами бездной.

Глава первая закончилась. Грязь улиц Аврелиана осталась снаружи, на подошвах её стоптанных башмаков. Золото, до-

бытое ценой первых капель жизненной силы, грело грудь. А впереди, маня и обещая бесконечное могущество, ждал Источник, чья глубина была равна глубине человеческой жадности.

Глава 2. Первая сделка

Утро в Кривом Шпиле пахло не свежестью, а мокрой крысой и горелым жиром. Солнечный свет — редкий гость этих каменных ущелий — сегодня вовсе не пробился сквозь вечную пелену промышленного смога. В комнате стоял полумрак, густой и сизый, как табачный дым.

Алиса проснулась за секунду до того, как Томас пошевелился во сне. Механизм внутри неё работал безотказно: она всегда знала положение каждого живого существа в радиусе пяти шагов. Она открыла глаза. Тело всё ещё ныло после вчерашнего истощения, левая рука казалась куском холодного мрамора, но разум был острее бритвы.

Она села на кровати одним плавным движением. Никакой сонливости. Отец храпел за перегородкой так, что дрожали тонкие стены. Мать затихла под утро — это могло означать либо временное облегчение, либо приближающийся конец. Алиса прислушалась к её дыханию. Хрипы стали влажными, булькающими. Времени оставалось мало. Проект «Семья» требовал срочного финансирования.

Девушка встала. Её тело, обнаженное в холодном воздухе комнаты, выглядело совершенным инструментом. Длинные ноги, тонкая талия, высокая грудь — природа создала этот сосуд для любви или материнства, но Источник переплавил его в оружие. Алиса подошла к мутному осколку зеркала,

висевшему над умывальником. Из глубины на неё взглянуло лицо с высокими скулами и губами, созданными для приказов. Глаза потемнели еще сильнее, в них появился металлический блеск расплавленного обсидиана.

Красота была её первым кинжалом. Магия — вторым. Но клинки бесполезны, если рука, держащая их, дрожит от голода.

Вчера вечером, пересчитав серебро вдовы Марты, она приняла решение. Мелкие кражи и телепортация алмазов из шахт — это ремесло одиночки, которое рано или поздно привлечет внимание Гильдии Воров или Тайной Канцелярии. Ей нужен был легальный, стабильный поток наличности. Нужен был бизнес. Свой первый актив.

Через двадцать минут она была готова. Никаких лохмотьев. Старая юбка отправилась в печь. Вместо неё — темно-синее платье простого кроя, но из качественной шерсти, найденное в сундуке матери (мать берегла его как память о тех временах, когда работала белошвейкой у мадам Клотильды). Волосы туго стянуты в узел на затылке, открывая длинную, аристократическую шею. Лишь одна деталь выдавала её происхождение — башмаки. Старые, разбитые, скрипящие при каждом шаге. Новая обувь стоила денег, которых пока не было.

Книга лежала во внутреннем кармане плаща. Фолиант стал легче почти на треть; кожа обложки сморщилась, впитывая плату за вчерашний ужин и сегодняшнюю одежду.

Алиса погладила переплет через ткань. «*Сыт?* — мысленно спросила она. — *Сегодня придется поработать всерьез*».

Лавка старого Хорхе находилась на стыке Кривого Шпиля и Среднего кольца. Идеальное место для наживы. Сюда приходили домохозяйки из приличных районов за дешевыми специями, а сбегали сюда мелкие мошенники из трущоб прятаться от патрулей.

Хорхе торговал всем подряд: сушеными травами сомнительного происхождения, ржавыми замками, свечами из человеческого жира, которые чадили черным, дешевой галантереей и контрабандным табаком. Сам хозяин напоминал такую же старую, ржавую вещь. Горбатый, с лицом, похожим на печеное яблоко, изъеденное оспой, он сидел на высоком табурете за прилавком, укутанный в три слоя засаленных шалей. Его левый глаз давно затянуло бельмом, правый смотрел хитро и цепко, как у стервятника.

Над дверью тихо звякнул колокольчик. Хорхе даже не поднял головы, продолжая ковырять спичкой в гнилых зубах. — Закрыто на учет, девочка, — буркнул он, не разжимая челюстей. — Приходи после полудня, может, уступлю тебе коробку бракованных пуговиц за медяк.

Алиса сделала два шага внутрь. Каблуки её старых башмаков гулко ударили по разохшимся половицам. Звук получился неожиданно твердым, властным. — Мне не нужны пуговицы, Хорхе, — сказала она мягко. Голос обволакивал,

вибрировал на низких частотах, заставляя воздух в лавке стать плотнее. — Мне нужна справедливость.

Старик замер. Спичка хрустнула в его пальцах. Он медленно, со скрипом суставов, повернул голову. Узнал ли он дочь грузчика из четырнадцатого дома? Вряд ли. Для него все нищие дети были на одно лицо — грязные, голодные, серые. Но сейчас перед ним стояла женщина, которая излучала ауру абсолютного превосходства. От неё пахло озоном, старым пергаментом и чем-то хищным, звериным.

— Ты ошиблась лавкой, красавица, — прохрипел он, пытаясь вернуть себе привычный тон рыночного торгаша. — Если хочешь справедливости, иди к Золотому Трибуналу. Только пошлины там больше, чем стоит твоя жизнь.

— Я уже была у правосудия, — улыбнулась Алиса. Улыбка была вежливой, профессиональной и абсолютно мертвой. — Оно неэффективно. Я предпочитаю решать вопросы напрямую с поставщиками проблем.

Она обошла прилавок. Хорхе дернулся, чтобы встать, но магия опередила его движение. Это было не заклинание, не вспышка света. Просто легкое искажение реальности. Воздух вокруг старика загустел, став похожим на патоку. Его мышцы отказались сокращаться. Он остался сидеть на табурете, парализованный, способный только вращать своим единственным зрячим глазом. Липкий страх начал сочиться из его пор, смешиваясь с запахом прелой шерсти.

— Встань, — приказала Алиса.

Тело Хорхе конвульсивно дернулось. Мозг посылал отчаянные сигналы паники, но нейронные связи блокировались невидимым полем. Старик неуклюже, как марионетка с оборванными нитями, сполз с табурета и выпрямился. Колени его тряслись.

— Посмотри на меня, — велела она.

Единственный здоровый глаз Хорхе вперился в её лицо. И тут вступила в дело биология. Древняя, первобытная химия мужского мозга. Перед ним стояло существо идеальной красоты. Контраст между её утонченностью и убожеством его лавки был настолько велик, что ломал шаблоны восприятия. Старик почувствовал, как животный ужас, сковывавший его волю, начинает странно трансформироваться. Страх никуда не делся, он пульсировал где-то внизу живота ледяным комом, но поверх него накатывало темное, постыдное желание. Желание обладать этим лицом, этими волосами, этой властью.

Алиса видела эту борьбу в расширившихся зрачках. Она читала его мысли, липкие и жалкие, как тараканы за печкой: *«Если бы я был моложе... Если бы схватить её прямо здесь, среди мешков с мукой... За такой грех и сгореть не обидно...»*

Идеально. Формула подтверждалась. Мужчины слепы. Их похоть — лучшая цепь, прочнее любой стали. Они готовы лизать сапоги богини, лишь бы им позволили верить, что однажды она позволит им коснуться края своего платья.

— Ты помнишь меня, Хорхе? — спросила она, делая еще один шаг вперед. Теперь они стояли вплотную. Она была выше его на полголовы даже без каблуков. — Год назад ты продал моей матери настойку пустырника. Сказал, что она укрепит сердце.

Глаз старика забегал. Он пытался отрицать, но горло свело спазмом. — П-помню... хорошая настойка... — Моя мать кашляет кровью, Хорхе. Потому что вместо пустырника ты всучил ей толченую кору ядовитого дуба, разбавленную водой. Она умирает. Прямо сейчас, пока мы беседуем, её легкие превращаются в решето.

Алиса подняла правую руку. На среднем пальце блеснуло простое серебряное кольцо — единственное украшение, купленное вчера на сдачу. Она щелкнула ногтем по металлу. Раздался звук, похожий на удар гонга, хотя никто другой в лавке его не услышал. Это был резонанс Источника.

— Цена твоей ошибки — тридцать серебряных империа-лов. Столько стоит хороший лекарь. Плюс проценты за риск.

— У меня нет таких денег! — взвизгнул Хорхе, наконец обретя дар речи. Паника прорвала плотину вожделения. — Выручка за неделю едва покрывает аренду! Там медяки, гос-пожа, честные медяки!

— Ложь, — констатировала Алиса, глядя мимо него. — Под третьей половицей слева от весов лежит кожаный пояс. В нем восемь золотых солидов и двенадцать марок серебром. Налоговая инспекция никогда не смотрит вниз, верно?

А Инквизиция слишком занята поиском еретиков в Университете, чтобы проверять крысу вроде тебя.

Старик побледнел так, что седая щетина на подбородке стала казаться черной. Откуда она знает? Никто не знал про тайник. Даже жена, сгинувшая десять лет назад.

— Ты демон, — выдохнул он. — Пришли за моей душой.
— Не льсти себе, — отрезала Алиса. — Твоя душа не стоит и плевка. Мне нужно твое золото. И мне нужно твое послушание.

Она протянула руку ладонью вверх. — Выкладывай всё, что спрятано под полом. Медленно.

Хорхе попытался сопротивляться. Всю свою долгую, мерзкую жизнь он выживал благодаря умению прогибаться, юлить и предавать первым. Сейчас инстинкты кричали ему бежать, драться, кусаться. Но его ноги сами сделали шаг к весам. Руки, покрытые старческими пятнами, начали разгребать пыльный коврик.

Это была первая настоящая проверка магии вне стен башни. Телекинез воли. Алиса не просто приказывала — она переписывала его приоритет действий. На несколько минут главной целью существования этого человека стало удовлетворение желания Алисы.

Половица со скрипом отошла. Хорхе достал тяжелый кожаный кошель и положил его в протянутую ладонь девушки.

Как только пальцы Алисы сомкнулись на коже, паралич отпустил старика. Он рухнул на колени, тяжело дыша, хва-

таясь за сердце. Пот ручьями тек по его складкам шеи. — Ведьма... — прохрипел он. — Чернокнижница... Донос напишу... Гвардейцам сдам...

Алиса высыпала содержимое кошелька на прилавок. Золото тускло блеснуло в полумраке. Восемь тяжелых кругляшей. Больше, чем её семья зарабатывала за год каторжного труда. Она небрежно смахнула монеты в свой карман. Железный звон удара металла о металл прозвучал для Хорхе как погребальный колокол.

— Напишешь, — спокойно согласилась она, застегивая пряжку кармана. — Только вот беда, Хорхе. Первый гвардеец, которому ты попытаешься это рассказать, посмотрит на тебя, как на сумасшедшего. Второй отведет в участок, где тебя допросят с пристрастием о происхождении твоего собственного левого глаза. Говорят, ты купил его у бродячего чародея-офтальмолога вместе с фальшивым амулетом от сглаза? Амулет не работает, Хорхе. А орган власти очень заинтересуется незаконной трансплантацией.

Старик затрясся. Слухи о его сделках с темными лекарями были правдой, и он знал, что за такое полагается костер.

— Но я добрая, — продолжала Алиса. Она взяла со стола сушеную гвоздику и растерла её между пальцами. Комната наполнилась пряным ароматом. — Я дам тебе шанс исправиться. Ты ведь любишь красивые вещи, Хорхе? Любишь смотреть на то, чего никогда не сможешь коснуться?

Она подошла вплотную. Наклонилась, упираясь руками в

прилавок по обе стороны от его лица. Декольте платья опустилось достаточно низко, чтобы старый дурак увидел верхушку её груди. Зрачки Хорхе снова поплыли, фокусируясь на белой коже. Страх боролся с похотью, и похоть побеждала, потому что была проще, понятнее и обещала хоть каплю наслаждения перед смертью.

— Смотри на меня внимательно, — прошептала Алиса.

Она позволила тонкой струйке силы Источника вытечь из своих глаз. Не гипноз — гипноз можно сбросить. Это было прямое подключение к центру удовольствий в его мозгу. Химический взрыв. Искусственный экстаз.

Хорхе издал странный, квакающий звук. По его морщинистой щеке покатилась слеза. Он смотрел на неё с обожанием собаки, готовый умереть за хозяина. Его рот приоткрылся, слюна тонкой нитью потянулась к прилавку.

— Как тебя зовут? — спросила Алиса, разрывая контакт. Экстаз схлопнулся, оставив после себя оглушающую пустоту и тупую боль в висках. — Хо... Хорхе, госпожа, — пролепетал он, захлебываясь собственной слюной. — Нет. Теперь я буду звать тебя иначе. Твоё имя звучит слишком громко для прислуги. Я буду звать тебя Клещ. Маленькое, незаметное насекомое, которое сосет деньги из жирных господ и приносит их мне. Тебе нравится новое имя? — Да, госпожа, — с готовностью кивнул старик. Лицо его сияло собачьей преданностью. — Очень красивое имя.

Алиса удовлетворенно хмыкнул. Тест пройден. Магия за-

крепляла визуальный образ. Красота открывала дверь, подчинение строило фундамент, а секс удерживал конструкцию от разрушения. Эти создания — мужчины — предсказуемы до тошноты. Дай им иллюзию надежды на обладание, и они принесут тебе ключи от хранилища.

— Умница, Клещ, — она провела пальцем по его заросшему седой щетиной кадыку. Старик затрепетал от этого прикосновения, словно она гладила раскаленный утюг. — А теперь поговорим о бизнесе. Я покупаю твою лавку.

Хорхе моргнул единственным глазом. Логика пыталась пробиться сквозь наркотический дурман верности. — Но... вы же забрали все деньги... — Я забрала твой мусор, — отрезала Алиса. — То, что ты прятал от налогов. Настоящий капитал — это товар, поставщики и точка сбыта. Лавка остается здесь. Завтра утром ты пойдешь на рынок. купишь лучший шелк, который найдешь. Десять рулонов. Настоящего эльфийского плетения, а не той крашеной рогожи, которую ты выдаешь за импорт. Затем ты пойдешь к парфюмеру Левону и возьмешь у него в кредит лучшие масла. Понял?

— Зачем? — пискнул Клещ. — Кто будет платить? Денег нет... — Платить буду я, — терпеливо объяснила Алиса. — Своим временем. Своей красотой. Мы меняем профиль. Больше никакой копченой селедки и свечей из мертвецов. Здесь будет самый дорогой салон тканей и благовоний в этом районе. Сюда будут приходить жены младших чиновников из ратуши. Женщины любят тайны. Им понравится покупать

запрещенные духи у красивой девочки, которая умеет хранить секреты.

Она наклонилась еще ниже. Её губы оказались в дюйме от уха старика. — А ты, Клещ, будешь стоять за прилавком. Ты будешь молчать. Будешь открывать рот только тогда, когда я разрешу. Ты станешь моими глазами и ушами. Все сплетни, все разговоры покупателей, все слухи о передвижении стражи — ты будешь рассказывать мне каждый вечер. Если узнаю, что ты что-то утаил... — она чуть сжала пальцы на его плече. Этого легкого нажатия хватило, чтобы сустав хрустнул, а старик взвыл от боли, переходящей в новый приступ животного восторга. — ...я заберу у тебя не только глаз. Я заберу способность чувствовать тепло. Оставлю тебя жить вечно в ледяной темноте. Договорились?

— Да, госпожа! Да! — залепетал он, целуя край её рукава. — Благодарю, благодарю вас! Вы спасли меня от тюрьмы!

Идиот действительно верил в это. Что она оказала ему услугу, позволив работать на себя бесплатно. Магия стерла из его памяти факт ограбления, заменив его воспоминанием о щедром инвестировании.

Алиса выпрямилась. Первый этап завершен. У неё есть база. Есть уши. Есть фасад.

— Сегодняшний день посвятишь уборке, — бросила она, направляясь к выходу. — Выскобли полы. Сожги эти тряпки. Повесь новые шторы. Чтобы воняло мылом, а не твоим потом. И да, Клещ...

Она остановилась в дверях, обернувшись. Солнце на мгновение выглянуло из-за туч, подсветив её силуэт сзади, создав эффект черного ангела с огненными волосами. — Если моя мать умрет сегодня ночью, я вернусь. И заставлю тебя сожрать собственные зубы одну штуку за другой. Торопись с покупкой шелка. Хороший шелк отлично впитывает кровь, говорят, на нём удобнее оперировать.

Дверь закрылась. Над входом тихонько звякнул колокольчик.

На улице Алиса глубоко вдохнула сырой воздух. Реакция наступила внезапно. Ноги подкосились, и она вынуждена была прижаться спиной к холодной кирпичной стене ближайшей подворотни.

Магическое воздействие такого масштаба высосало остатки сил. Левая рука окончательно превратилась в ледышку. Кончики пальцев посинели. Во рту стоял привкус меди. Каждое биение сердца отдавалось в висках болью кузнечного молота. Использование Источника имело четкий курс обмена: чужая воля в обмен на твои жизненные показатели.

Но сквозь физическую слабость проступало чистое, незамутненное ликование.

Она посмотрела на свои ладони. Чистые. Ни следа угольной пыли. Ногти аккуратно подстрижены. Эта грязь, эта улица, этот город — всё вдруг показалось ей игрушечным. Макетом. Раньше она была пешкой, запертой в клетке Кривого

Шпиля. Теперь она поняла правила игры.

Формула успеха проста. Первое: красота. Биологический код мужчин неисправим. Они видят красивую женщину, и их кора головного мозга отключается быстрее, чем срабатывает инстинкт самосохранения. Они добровольно надевают ярмо. Второе: жестокость. Красота привлекает, но держит их только страх. Боль должна быть личной, изощренной и неотвратимой. Угроза забрать конечность пугает меньше, чем угроза лишить одного из чувств или превратить удовольствие в пытку. Третье: цель. Деньги — это лишь цифры. Цель — независимость. Та самая комната в Среднем кольце — это не жилье. Это карантин. Место, куда она поместит Томаса, очистив его от влияния отца. Место, куда она сможет приносить добычу, не опасаясь, что соседи украдут еду из кастрюли.

Алиса оттолкнулась от стены. Мышцы протестовали, но она заставила спину выпрямиться. Королева не сутулится, даже если её рвет желчью от магического истощения.

Она пошла домой, но маршрут выбрала намеренно длинный. Через площадь Мясников, затем вдоль внешней стены Верхнего кольца. Отсюда Аврелиан выглядел совсем иначе. Не скопищем лачуг, а величественной машиной. Башни Академии парили в небе, удерживаемые антигравитационными якорями. Белоснежные шпили Собора Четверых резали облака. Там жили люди, чьи имена значили больше, чем чья-либо жизнь. Люди, которые смотрят на таких, как она, лишь

как на часть пейзажа, на грязь под ногами.

Ничего. Скоро они узнают её имя. Сначала шепотом в курительных комнатах. Потом — с ужасом в судебных протоколах.

Дом встретил её тишиной. Гнетущей, тяжелой тишиной, которая бывает только рядом с покойниками.

Звук изменился. Исчез надсадный, булькающий кашель матери.

Алиса вошла в родительскую спальню. Отец сидел на полу, привалившись спиной к кровати. Он не спал. Он смотрел в одну точку перед собой. В руке он сжимал пустой стакан. Бутылка валялась разбитая в углу. Похоже, новость дошла до него час назад, и он решил утопить горе в самогоне, но алкоголь обжигал внутренности, не принося забвения.

Мать лежала на кровати. Совсем маленькая, плоская под тонким одеялом. Лицо было спокойным, восковым. Рот слегка приоткрыт. Рядом на табурете сидела соседка, толстуха Грета, и монотонно качала головой. — Всё, Алисушка, — сказала Грета, увидев девушку. — Отмаялась сердешная. Легкие-то... доктор сказал, полгода назад надо было везти на воды. Да где ж вам взять...

Слова женщины пролетали мимо ушей. Алиса подошла к кровати. Опустила руку. Коснулась лба матери. Кожа была еще теплой, но стремительно остывала. Процесс необратим. Биологическая смерть зафиксирована около сорока минут назад.

Ни слезинки не выступило в глазах Алисы. Внутри неё проворачивался холодный механизм инвентаризации. Актив: минус один едок. Минус источник инфекции. Пассив: расходы на похороны. Социальный статус сироты подтвержден официально. Это открывает доступ к бесплатному супу в благотворительных столовых и избавляет от налога на проживание (который всё равно никто не платил, но теперь это законно). Эмоции: отсутствуют. Необходимая жертва. Мать была хорошим человеком. Хорошие люди в Аврелиане живут недолго и умирают мучительно. Алиса решила стать плохим человеком. Плохие люди живут долго и заставляют других умирать за них.

— Где Томас? — ровным голосом спросила она. — Спит в вашей комнате, — ответила Грета, шмыгая носом. — Ох, деточка, как же ты теперь одна-то? Пропадешь. Может, ко мне переберешься, угол выделяю...

— Спасибо, Грета, — поблагодарила Алиса. — Я справлюсь.

Она развернулась и вышла, плотно закрыв за собой дверь спальни. Отец даже не шевельнулся. Пусть сидит. Его роль в пьесе временно окончена. Скоро он понадобится как свидетель её скорби для соседей.

Алиса прошла в их общую с братом каморку. Томас спал, свернувшись клубком. Ресницы дрогнули. Мальчик явно видел плохой сон — вероятно, чувствовал атмосферу смерти, повисшую в квартире.

Девушка села на край кровати. Протянула руку и осторожно поправила брату съехавшее одеяло. Она смотрела на его лицо — единственную родную черту в этом мире, не считая цвета волос. Нос с легкой горбинкой, унаследованной от кого-то из благородных предков матери, о которых та предпочитала молчать.

Ради него всё и затевалось. Ради того, чтобы этот мальчик никогда не узнал вкуса грязи. Чтобы его руки остались мягкими, а легкие — чистыми.

Для этого ей нужен был Клещ. Нужен был шелк. Нужно было золото.

Она просидела неподвижно около часа, охраняя сон брата, пока первые посетители — любопытные кумушки с улицы — не начали скрестись в дверь, выражая соболезнования. Алиса встретила их с идеально подобранным выражением трагической бледности. Она плакала вовремя, говорила правильные слова о том, какая мама была святая, и принимала корзины с едой, которые соседи приносили скорее по привычке, чем от чистого сердца.

Отец вышел из спальни только к обеду. Шатаясь, опухший, с красным носом. Он открыл рот, собираясь завыть в голос, но наткнулся на взгляд дочери. Алиса стояла у окна, скрестив руки на груди. Взгляд её говорил яснее любых слов: *«Попробуй устроить спектакль, и следующим уснешь ты. Навсегда».*

Отец икнул, втянул голову в плечи и покорно пошел по-

могать соседям выносить гроб.

Похороны прошли быстро, скомкано и дешево. Священник торопливо прочитал молитву, косясь на небо — начался дождь. Могильщики взяли двойную плату за каменистую почву. Когда комья земли застучали по крышке простого деревянного ящика, Алиса почувствовала не грусть, а лишь легкий сдвиг равновесия. Одна связь с прошлым оборвалась. Теперь её ничего не держало. Дом номер четырнадцать перестал быть местом, где прошло детство. Теперь это был просто штаб. Казарма.

Вечером, уложив рыдающего Томаса спать (мальчик единственный позволил себе выплакаться), Алиса дождалась, пока отец провалится в пьяное забытие.

Она достала из-под половицы четыре золотые монеты, оставшиеся после покупки товара для лавки. Остальное надёжно хранилось в поясе под платьем.

Затем она извлекла Книгу. Обложка высохла и стала жесткой, как фанера. Символы на страницах едва теплились. Книга была голодна. Переезд материи — десяти рулонов шелка и ящиков с маслами — потребовал колоссальных затрат энергии.

Алиса положила ладонь на переплет. — Сегодня мы будем учиться новому, — прошептала она. — Нам нужно знать всё. Обо всех.

Она открыла страницу, где символы складывались в формулу Ясновидения Удаленного Объекта. Сложнейшая струк-

тура. Требуется фокус. Связующего звена.

У неё было такое звено. Запах. Клещ пропах ею насквозь — её силой, её волей. Кроме того, во время разговора она незаметно срезала лезвием ножниц локоны его седых волос и спрятала в рукав. Плоть хранит отпечаток владельца надежнее любого контракта.

Алиса положила волос на страницу. Капнула на него каплю своей крови из проколотого пальца. Кровь шипела, соприкасаясь с древней кожей. Она начала читать. Губы едва шевелились, исторгая звуки, от которых фитиль свечи изогнулся спиралью, а тени в углах комнаты ожили, приняв форму скрюченных рук.

Мир перед глазами померк. Исчезла тесная каморка, исчез запах смерти и кислого вина.

Она увидела потолок. Низкий, сводчатый, покрытый паутиной. Камера. Подвальная камера городской стражи. Сырой камень блестел от влаги. Картинка дернулась, сменив угол обзора. Теперь она смотрела на железную дверь. Слышались голоса: — ...говорят, Финч рвет и мечет. Кто-то вынес его ростовщическую контору в Нижнем порту прошлой ночью. Два сейфа вскрыты, будто консервным ножом. Ни следов взлома, ни свидетелей. Пропало сорок тысяч золотом. — Сорок тысяч? Да кто ж в нашем городе способен на такое? Академия? — Если бы Академия, они бы оставили расписку. Нет, это кто-то новенький. Тихий. И очень, очень жадный.

Алиса прервала контакт. Сердце пропустило удар, но не

от страха. От азарта. Финч. Главный ростовщик трущоб. Жирный паук, ссужавший деньги под такие проценты, что целые поколения попадали в кабалу. Его контора — неприступная крепость, охраняемая головорезами с кастетами и лицензией на убийство должников. Сорок тысяч. Сумма, которой хватит купить титул младшего дворянина.

Кто-то сработал чисто. Профессионально. Использовал пространственную магию высокого порядка. Значит, она в городе не одна такая. Есть другие игроки. Это опасно. Инквизиция начнет шерстить всех, кто проявляет аномальные способности. Но это и возможность. Шантаж. Союз. Или устранение конкурента.

Она посмотрела на книгу. Символы на странице, где лежал волос Клеща, теперь горели ровным рубиновым светом. Связь установлена. Теперь она могла в любой момент открыть «окно» в его лавку, слушать разговоры клиентов или подглядывать за самим стариком в уборной.

Алиса стерла кровь со страницы. Волос рассыпался пеплом.

Завтра начнется новая жизнь. Жизнь владелицы салона. Прикрытие идеальное. Жена чиновника не станет интересоваться, откуда у бедной цветочницы появились деньги на аренду лучшей витрины. Они будут списывать это на удачное замужество или богатого любовника. Пусть думают так. Чем банальнее ложь, тем охотнее в неё верят.

Она убрала Книгу обратно в тайник. Подошла к своему

соломенному тюфяку. Лежа на жестких досках, слушая, как за стеной пьяно мычит отец, а этажом ниже, в бывшей спальне родителей, спит чистый мальчик Томас, Алиса впервые за долгое время позволила себе расслабиться.

Первая сделка состоялась. Первый слуга повязан кровью и похотью. Первый труп — мать — похоронен и списан в расход.

Грязь улиц осталась снаружи. Впереди было только золото. Холодное, расчетливое, принадлежащее только ей. И власть, чей вкус был слаще любого нектара — вкус чужой сломанной воли, растворенной на языке.

Сон пришел мгновенно, глубокий и восстанавливающий. Ей снились бесконечные ряды шелковых рулонов, переливающихся всеми оттенками ночи, и гора золотых монет, сложенная в форме трона.

Глава 3. Вкус богатства

Аренда особняка в Среднем кольце Аврелиана стоила Алисе ровно столько, сколько старый Хорхе-Клещ собирал чистой прибылью за полгода своей жалкой торговли гнилью. Но дело было не в деньгах. Дело было в символизме.

Переезд занял три дня — три ночи лихорадочной работы Источника и два часа наемного экипажа, запряженного парой вороных коней с лоснящимися крупами. Книгу она перевозила лично, завернув фолиант в плотный бархат и прижав к груди, словно больного ребенка. Книга слабела без подпитки, её кожа остыла до температуры погреба, а символы на страницах стали тускло-серыми. Чтобы оживить её для ритуала поиска недвижимости, Алисе пришлось отдать часть собственного тепла — всю дорогу до нового дома её бил озноб, который невозможно было унять никакими меховыми пледами.

Особняк назывался «Вдовьи слезы». Это был типичный представитель архитектуры эпохи Регентства — массивное здание из серого песчаника, увитое мертвым сейчас плющом, с высокими стрельчатыми окнами и чугунной оградой, покрытой патиной благородной ржавчины. Он стоял на улице Серебряных Якорей, где селились младшие офицеры флота, удачливые торговцы пряностями и те самые обедневшие дворяне, чья родословная была длиннее их банковских

счетов.

Прежний владелец, престарелый судовладелец, сбежал от долгов куда-то в колонии Ост-Индской компании, оставив мебель, посуду и даже библиотеку с пыльными трактатами о навигации. Алиса купила дом вместе со всем этим хламом через подставное лицо — адвоката Финча (однофамильца ростовщика, но человека трусливого и жадного до комиссионных).

Когда экипаж остановился перед коваными воротами, Алиса вышла наружу. Дождь прекратился, но брусчатка блестела от влаги. Она вдохнула воздух полной грудью. Здесь он пах иначе: углем дорогих сортов, морским бризом с Верхней гавани, воском и сушеными розами. Грязи Кривого Шпиля здесь не существовало — тротуары были вычищены до блеска специальными машинами-уборщиками.

— Располагайтесь, госпожа, — подобострастно пробормотал старший грузчик, когда последний сундук внесли в холл.

Алиса бросила ему золотую марку. Мужчина поймал монету на лету, посмотрел на неё расширенными глазами и сглотнул. На такую монету его семья могла бы жить месяц. Алиса даже не посмотрела в его сторону. Чаевые должны быть достаточно большими, чтобы купить лояльность, но слишком маленькими, чтобы вызвать желание ограбить тебя по дороге домой. Искусство баланса.

Томас, закутанный в новую теплую куртку, которую сест-

ра сшила для него ночью из обрезков контрабандного шелка Клеща, замер посреди огромного холла. Его глаза, привыкшие к потолку высотой в полтора человеческих роста, теперь пытались дотянуться взглядом до лепнины под сводами второго этажа. — Мы... мы будем здесь жить? — прошептал он. В голосе мальчика смешались восторг и первобытный ужас. Для семилетнего ребенка переход из каморки под крышей в мраморный дворец равносителен перемещению между мирами.

— Будем, — ответила Алиса, стягивая перчатки. Её руки всё ещё казались ей чужими — бледные, с синеватым оттенком у ногтей, они выглядели руками аристократки, никогда не знавшей труда. Иллюзия, созданная магией и золотом. — Твоя комната наверху. Три окна на восток. Если будешь хорошо учиться, я найму тебе учителя математики. Если попытаешься украсть хоть одну конфету из буфета, я продам твои почки аптекарю. Всё понятно?

Томас часто закивал. Он любил сестру той слепой, абсолютной любовью, которая бывает только у детей, спасенных чудовищем от других чудовищ. Он знал, что слова про почки — это почти шутка. Почти.

Первым делом Алиса обустроила свой кабинет. Комната на первом этаже, выходящая окнами на тихий сад, идеально подходила. Стены цвета засохшей крови поглощали свет, создавая интимный полумрак.

Она поставила книгу на дубовый секретер. Фолиант тяжело выдохнул, расправляя невидимые страницы. Символы вспыхнули багровым светом и тут же снова погасли, перейдя в режим ожидания. Сытость вернулась лишь отчасти.

Алиса села в кресло. Формула успеха требовала постоянного подтверждения. Красота открывала двери, но золото заставляло людей запоминать эти двери. Ей нужна была огласка. Не скандальная слава чернокнижницы, которой пугают детей, а шепот зависти в гостиных.

Инструментом послужил портной. Старый мэтр Жильбер содержал лучшую мастерскую в Среднем кольце. Когда Алиса вошла в его салон днем позже, звякнув дверным колокольчиком так уверенно, будто покупала здесь ткани последние двадцать лет, сам старик чуть не подавился серебряной зубочисткой.

Девушка из ниоткуда. Лицо — чистейший фарфор, черты которого могли бы принадлежать побочной ветви императорского рода. Фигура богини. И взгляд палача. А запах... от неё исходил аромат редчайшего черного лотоса — масла, флакон которого стоил как годовое содержание небольшого поместья.

— Мне нужно то, что носят при дворе, — сказала Алиса, опускаясь в предложенное кресло. — Но лучше того, что носят при дворе. Никаких корсетов, сковывающих дыхание. Никакого лишнего декора. Только силуэт, ткань и цвет.

Жильбер, обычно язвительный и придирчивый к новым

клиентам, превратился в суетливого жука. Он приносил рулоны тончайшего эльфийского газа, тяжелого имперского бархата, кружева ручной работы из монастырей Севера.

Алиса выбирала молча. Её пальцы скользили по тканям, и там, где они касались материала, нити сами собой выпрямлялись, избавляясь от малейшей складки. Мэтр списывал это на статическое электричество или собственное волнение. Он не замечал, как иголки сами вспрыгивают на стол, готовые кроить, или как мерная лента обвивается вокруг манекена идеальным узлом без участия рук швеи.

За четыре часа были созданы эскизы пяти платьев. Одно — цвета полночного неба, глубокого черного с вплетением нитей настоящего серебра, меняющее оттенок в зависимости от освещения. Второе — цвета артериальной крови, настолько яркое, что казалось мокрым. Третье — белое, как первый снег, асимметричное, дерзко открывающее одно плечо и ногу до середины бедра. Наряд, за появление в котором любую другую женщину выгнали бы из приличного общества, но на Алисе он должен был выглядеть эталоном скромности.

— Оплата? — спросил Жильбер, потев над списком материалов. Сумма выходила астрономической.

Алиса положила на стол один золотой солид. Настоящий, тяжелый, добытый вчера вечером из сейфа разорившегося корабельного маклера (сейф просто перестал существовать в стене его кабинета, материализовавшись на дне канала, откуда девушка извлекла его легким усилием воли).

— Этого хватит, — сказала она. — За срочность. И за молчание. Я не хочу, чтобы мое имя звучало в списках ваших должников. Вы получили деньги вперед. Мы друг друга не знаем.

Жильбер смотрел то на монету, то на девушку. Золотой солид авансом за пять платьев, которые будут готовы через неделю? Это безумие. Или это прикрытие чего-то гораздо более серьезного. Старому портному хватило ума понять: эта клиентка опасна. Спрашивать, откуда у неё такие деньги — всё равно что спрашивать у меча, почему он острый. — Разумеется, госпожа, — поклонился он, сметая монету в ящик стола с ловкостью фокусника. — Через семь дней курьер доставит заказ. Черный ход. Никаких квитанций.

Слух разнесся быстрее чумы. Аврелиан всегда был городом сплетен, а золотая лихорадка — самая заразная болезнь после оспы. «Вы слышали? У вдовы Марты появилась новая поставщица благовоний. Платит чистым золотом, монеты тяжелые, как свинец». «Портной Жильбер отказывается брать заказы от герцогини Лоранской, потому что шьет гардероб какой-то девчонке из новеньких. Говорят, она платит империалами». «Видели карету у „Вдовьих слез“? Четверка лошадей. Черных. Таких нет даже у советника Императора».

Алиса питалась этими слухами. Каждое произнесенное вслух слово о её богатстве добавляло веса реальности. Магия Источника любит уверенность. Чем больше люди верят

в то, что ты богата, тем легче тебе эту богатство удерживать и преумножать.

Через десять дней после переезда Томас пошел в частную школу для мальчиков среднего достатка. Алиса сама отвела его туда. Директор школы, лысеющий человечек в тесном сюртуке, начал было читать нотацию о необходимости благотворительных взносов сверх платы за обучение.

Алиса прервала его, достав из ридикюля небольшой кожаный мешочек. — Здесь двести золотых марок, — ровным голосом сообщила она. — Это взнос на следующие пять лет. Плюс фонд на покупку новых учебников для беднейших учеников школы. Взамен мой брат не должен слышать ни одного дурного слова о своем происхождении. Если кто-то из учителей позволит себе намекнуть на грязь Трущоб в его адрес, этот учитель будет уволен сегодня же вечером, а его семья окажется на улице без рекомендаций. Вам ясно?

Директор побледнел. Суммы годового бюджета всей школы не хватило бы на покупку такого количества золота. Он смотрел на мешочек так, словно оттуда выползет ядовитая змея. — Абсолютно... абсолютно ясно, госпожа... — Называйте меня Алисой. И пришлите мне список этих беднейших учеников. Я прослежу, чтобы их одежда была не хуже, чем у моего брата.

Она ушла, оставив директора стоять с открытым ртом и дрожащими коленями. Первый кирпич в фундамент репутации филантропа заложен. Люди прощают огромное богат-

ство, если оно иногда бросает крошки вниз.

Первый настоящий выход в свет состоялся в салоне мадам Элоизы де Витторио. Мадам Элоиза была мастодонткой местного бомонда. Из древнего, но полностью промотанного рода, она выживала, устраивая вечера для скучающих жен промышленников и младших лейтенантов гвардии. Попастъ к ней означало получить пропуск в высшее общество Среднего кольца.

Алису пригласили благодаря всё тому же золоту. Подарок хозяйке салона — антикварная табакерка из китовой кости с инкрустацией из истинного жемчуга — сделал её желанной гостьей мгновенно. Жемчуг добыл Клещ; он буквально выкрал его из зубов гигантского морского слизня в подвалах Гильдии Мореплавателей, пока Алиса отвлекала стражу иллюзией пожара.

Элоиза представляла гостью собравшимся: — Мадемуазель Алиса фон... простите, дорогая, я не расслышала вашу фамилию? Какое экзотическое имя. Вы ведь недавно в наших краях?

Они стояли в Белой гостиной. Дюжина женщин в платьях с невозможными турнюрами, чей смех напоминал звон дешевого хрусталя. Все дочери банкиров, все жены поставщиков провианта для армии. Их лица были похожи друг на друга слоем пудры толщиной в палец. Они смотрели на Алису с плохо скрываемым презрением и острой профессиональной

ревностью.

На фоне их пышных нарядов, перегруженных лентами, бантами и фальшивыми бриллиантами, простое платье Алисы цвета воронова крыла казалось вопиющим нарушением этикета. Ни единого украшения, кроме тонкой цепочки белого золота на шее. Волосы гладко зачесаны назад и собраны в строгий узел. Единственным ярким пятном были её губы — темно-вишневые, четко очерченные.

— Фон, мадам? — Алиса улыбнулась, делая глоток чая из тончайшей фарфоровой чашки. — О нет. Моя фамилия пишется проще. Просто Алиса. Без всяких «фон». Титул обязывает к обязательствам перед Коронай, а у меня контракт исключительно с собственным вкусом.

По гостиной прошелестел смешок. Намек поняли: выскочка без роду и племени пытается играть в дворянку. Первая дама, супруга владельца сталелитейных заводов — женщина с усиками над верхней губой и шеей борца — решила поставить нахалку на место. — Дорогая, ваше платье... Оно восхитительно смелое. Жильбер совсем потерял чувство меры? Или это новый фасон для продавщиц галантереи? Открытая щиколотка — это так пикантно для улицы Гончаров.

Женщины захихикали, прикрываясь веерами. Это был классический прием травли. Обратить внимание на деталь, выдать её за недостаток и насладиться смущением жертвы.

Алиса медленно повернула голову. Её движение было плавным, хищным. Смех в комнате стих. Хозяйка салона пе-

рестала обмахиваться веером. — Вы совершенно правы, сударыня, — голос Алисы прозвучал тихо, но услышали его все. Звукоизоляция комнаты вдруг сработала так, что слова девушки раздались прямо в ушах каждой присутствующей, перекрыв шум остальных разговоров. — Мой вкус действительно отличается от вашего. Например, я считаю, что носить настоящие алмазы Кашмира весом в двенадцать карат каждый — гораздо элегантнее, чем вешать на себя стеклянную бижутерию размером с голубиное яйцо, пытаясь доказать окружающим наличие вкуса, которого нет.

Дама с усиками инстинктивно схватилась за свое кольцо. Огромные, мутноватые камни, которые она считала верхом роскоши, внезапно показались ей дешевыми стекляшками. Откуда эта дрянь знает про её тайну? Колье было куплено мужем как подделка, выдаваемая за оригинал, и знали об этом только ювелир и она сама.

— Что касается моей щиколотки, — продолжила Алиса, отпивая чай. — Поверьте, когда имеешь возможность оплачивать лучших архитекторов Империи для постройки личного загородного дворца, форма собственных ног становится предметом эстетического наслаждения, а не поводом для стыда. Хотя вам, должно быть, трудно это понять. Говорят, планировка вашего нового особняка на Холме создает такие сквозняки, что свечи гаснут в спальне. Экономия на кладке стен — печальная вещь.

Вторая стрела попала точно в цель. Особняк на Холме

строил подрядчик, известный тем, что воровал цемент, разбавляя его известью. Скандал с трещинами в стенах заминали взятками, но в высшем свете об этом шептались.

Лицо дамы пошло красными пятнами. Она открыла рот, чтобы взорваться криком, обвинить нахалку в клевете и вызвать мужа-адвоката.

Алиса подняла руку. Легкий жест, почти ленивый. Чайная ложечка на столе мадам Элоизы издала тонкий, режущий ухо звон. Разбитая ваза эпохи Мин, стоявшая на каминной полке в десяти футах от них, плавно приподнялась в воздух на дюйм и опустилась обратно, целехонькая, хотя клей виднелся на её боку отчетливо.

В комнате повисла мертвая тишина. Женщины перестали дышать. Воздух стал густым, тяжелым, пахнущим озоном и страхом. — Мы ведь не хотим обсуждать чужие финансовые затруднения и проблемы с позвоночником, правда? — мягко спросила Алиса, глядя прямо в выпученные глаза дамы с усиками. — Это так утомительно. Давайте лучше обсудим искусство. Вы любите живопись? Я на прошлой неделе приобрела эскиз раннего Валериуса. Тот самый, с горящим собором. Говорят, краски на нем меняют цвет, если долго смотреть на обнаженную грудь Девы Марии. Хотите взглянуть при случае? У меня отличная коллекция. Собрана... по случаю.

Это был нокаут. Упоминание Валериуса — самого закрытого художника современности, чьи работы хранились толь-

ко в Императорской сокровищнице и частных коллекциях трех семейств, имеющих право на трон — убило любые сомнения. Девушка либо величайшая мошенница в истории, либо... нечто иное. Но проверять никто не рискнул.

— С удовольствием, — прохрипела дама с усами и сделала большой глоток вина, расплескав его на кружево. — Очаровательно.

Хозяйка салона, мадам Элоиза, смотрела на Алису с выражением священного трепета. Эта девочка только что уничтожила самую влиятельную сплетницу города одним предложением, подкрепленным демонстрацией силы, природу которой Элоиза боялась даже пытаться классифицировать. — Прошу всех к столу! — воскликнула Элоиза слишком громко, разрушая колдовское напряжение. — Ужин подан!

Гости ринулись к дверям столовой, как стадо испуганных овец, стараясь держаться подальше от черной фигуры Алисы.

Ужин проходил в гробовом молчании. Каждый кусок телятины застревал в горле придворных дам. Алиса ела медленно, изящно, пользуясь ножом и вилкой так, словно родилась с ними в руках. Она обсуждала с соседом слева курс акций торговых компаний, небрежно упомянув, что вложила капитал в поставки специй с Архипелага, обрушив тем самым рынок инсайдерской информации этого вечера. Мужчины, сидевшие на противоположном конце стола, пожирали её глазами, забыв о своих женах. Их похоть была густой

и липкой, почти осязаемой. Они видели красоту, деньги и смертельную опасность — коктейль, перед которым не может устоять ни один мужчина, обладающий амбициями.

После ужина, когда дамы удалились курить опиумные сигареты, к Алисе подошел граф Нортгейт. Молодой, красивый, отчаянно нуждающийся в средствах для поддержания статуса своего рода. Наследник древних земель, обремененных долгами. — Мадемуазель Алиса, — он поклонился, щелкнув каблуками. — Ваше знание рынка впечатляет. И ваша защита от нападок этой старой гарпии была... хирургически точной. Позвольте выразить восхищение.

— Благодарю, граф, — Алиса позволила ему взять свою руку для поцелуя. Она почувствовала, как его пальцы слегка дрожат. — Восхищение дешево стоит. Меня интересуют активы.

— Какие именно? — он поднял бровь, думая, что речь пойдет о процентах в его прогоревшем руднике. — Ваши связи, — спокойно ответила она. — Мне нужен доступ в Верхнее кольцо. Не на приемы вроде этого балагана. На закрытые аукционы Министерства Двора. Где продают конфискованное имущество изменников. У вас есть приглашение на осенний раут у Канцлера. Мне нужно, чтобы вы провели меня как свою... подопечную. Скажем, дальнюю кузину из провинции, приехавшую искать мужа. Роль будете играть убедительно. Второго шанса не будет.

Граф сглотнул. Провести неизвестную девицу сомнитель-

ного происхождения на бал к Канцлеру — это государственная измена, если вскроется обман. Голова полетит с плеч. — А если я откажусь? — спросил он, хотя ответ читался в её глазах.

Алиса чуть наклонилась к нему. От неё пахло властью. — Ваш отец проиграл в карты поместье Риверсайд в прошлом месяце. Документы о переходе собственности уже лежат в канцелярии Верховного суда. Срок обжалования истекает завтра утром. Если вы окажете мне эту маленькую услугу, документы исчезнут. Навсегда. Судья получит анонимный дар, подтверждающий ваши права на землю. Бесплатно. Ну а если откажетесь... полагаю, новые владельцы уже готовят рабочих для вырубки вашего любимого вишневого сада ради строительства бумажной фабрики.

Нортгейт побледнел. Информация была стопроцентно достоверной. Никто, кроме судейских и игроков, не мог этого знать. — Вы... чудовище, — прошептал он.

— Нет, граф, — улыбнулась Алиса. — Я инвестор. Вы вкладываете свои старые связи, я гарантирую сохранность ваших активов. Разве не этому учат в ваших элитных академиях? Синергия. Поцелуйте мне руку еще раз, граф. На людях вы должны выглядеть влюбленным идиотом. Начнем репетировать.

Поздно ночью, когда последняя свеча в салоне Элоизы догорела, Алиса стояла на балконе своего особняка. Город ле-

жал внизу россыпью огней. Верхнее кольцо сияло холодным белым светом. Среднее — теплым янтарным. А далеко на юге, за рекой, Кривой Шпиль тонул в непроглядной, маслянистой тьме. Там жил Клещ. Там осталась могила матери.

Она чувствовала приятную усталость. Не ту, высасывающую жизнь пустоту Источника, а обычную человеческую усталость после выигранного сражения.

Формула работала безупречно. Мужчины падали к её ногам, ослепленные красотой и обещанием возвышения. Женщины ненавидели, но подчинялись, парализованные страхом перед силой, которую не понимали, и униженные превосходством её интеллекта. Деньги служили смазкой для этого механизма, позволяя шестеренкам вращаться без скрипа.

Она зашла в кабинет. Книга лежала на столе. Переплет потеплел. Багровые знаки пульсировали ровно и глубоко. Сегодняшний вечер дал ей много пищи — не эмоций, нет, Алиса давно избавилась от юношеской потребности нравиться. Энергия страха, обожания, зависти и скрытой похоти десятков людей тонким ручейком перетекла в фолиант.

Книга была довольна. Она тоже эволюционировала. Теперь она не просто давала формулы. Она подсказывала уязвимости. Когда Алиса говорила с графом, буквы на странице сложились в короткую схему: *«Азарт -> Долг -> Страх разоблачения = Полный контроль»*. Идеальный рычаг.

Из детской, смежной с её спальней, послышалось сонное

бормотание. Томас. Мальчик быстро привыкал к роскоши. Вчера она поймала его на том, что он пытался приказывать кухарке. Алиса тогда взяла его за подбородок и очень ласково объяснила, что прислуга слушается только её, а Томас должен заслужить право отдавать приказы, став кем-то большим, чем просто братом хозяйки. Мальчик понял. Он вообще понимал её с полуслова.

Алиса подошла к высокому зеркалу в резной раме. Посмотрела на свое отражение. Платье помялось от долгого сидения, прическа растрепалась. Но это не имело значения. Важно было то, что скрывалось за внешней оболочкой.

Там, в глубине зрачков, жила Тьма. Она больше не была голодным зверем, рвущимся наружу. Она стала прирученным волком. Опасным, послушным и бесконечно терпеливым.

Она коснулась пальцами своего горла. Вспомнила даму с усиками. Вспомнила графа Нортгейта. Вспомнила Клеща, копошащегося в грязи за конторкой лавки.

— Вкус богатства, — прошептала она своему отражению. — Это не золото. Золото — это просто инструмент. Вкус власти — вот что пьянит. Видеть, как сильный человек ломается пополам от одного твоего слова. Наблюдать, как гордость рассыпается в прах перед перспективой потерять комфорт.

Она провела рукой по волосам, стягивая ленты. Тяжелые медные волны упали на плечи. Завтра придет первая партия

тканей от Жильбера. Завтра Клещ доложит о разговоре двух капитанов Королевского флота, подслушанном в порту. Завтра начнется настоящая охота.

Алиса задуть свечу на секретере. Кабинет погрузился во мрак, разгоняемый лишь зеленоватым фосфорическим свечением символов на обложке Книги.

Среднее кольцо стало её охотничьими угодьями. Аристократки оказались глупыми курицами, которых можно душить по одной, просто вовремя перекрыв им доступ к кормушке. Но впереди ждал Канцлер. Ждали министры. Ждали те, кто действительно держит власть в Империи.

Там красота может не сработать. Там голого золота может оказаться недостаточно. Но у неё была Книга. И формула становилась всё сложнее, всё интереснее.

Она легла в кровать, вытянувшись на прохладных шелковых простынях. Впервые за долгие годы она засыпала не прислушиваясь к звукам поножовщины за окном и не считая оставшиеся медяки. Она засыпала с мыслью о завтрашнем дне. Дне, когда она примерит маску почтительной дебютантки, чтобы вонзить зубы в горло настоящей элиты Аврелиана.

Сон пришел легко. Ей снился вкус чужой свободы, превращенной в её личную собственность.

Глава 4. Рыцарь на коленях

Осень в Аврелиане пахла мокрым камнем и гниющими листьями. В Среднем кольце это означало аромат прелой листвы из парков, смешанный с запахом дорогого табака. В Кривом Шпиле — вонь нечистот, смываемых первыми затяжными ливнями в сточные канавы. Алиса существовала между этими двумя мирами, как лезвие ножа между бархатом и сталью.

За месяц владения особняком «Вдовьи слезы» она превратила его в идеально функционирующий механизм. Томас ходил в школу с блестящими глазами, впервые попробовав настоящий шоколад. Отец сидел в подвале дома Клеща под присмотром двух угрюмых вышибал, играя в карты на щелбаны и окончательно забыв о существовании бутылки — страх перед дочерью оказался лучшим лекарством от алкоголизма. Сам Клещ превратился в идеального шпиона, поставляя сплетни со скоростью телеграфа.

Но самой большой победой стал граф Нортгейт. Спустя три недели после салона мадам Элоизы он был готов перерезать себе горло по одному её слову. Алиса держала его на коротком поводке из спасенного поместья Риверсайд и регулярных доз экзистенциального ужаса. Граф возил её на закрытые выставки, представлял нужным людям и теперь заикался, когда подавал ей руку при выходе из экипажа. Он

был великолепной комнатной собачкой — красивой, породистой, но совершенно бесполезной в драке.

Алисе же требовался волкодав.

Этим вечером она возвращалась из квартала Алхимиков. Книга снова требовала крови — не буквальной, хотя иногда и такой, а жизненной силы. Чтобы поддерживать связь с Клещем и манипулировать финансовыми потоками через магию Источника, требовалась колоссальная концентрация. После визита к старому алхимику Бэйну, у которого она приобрела редкий реагент для стабилизации иллюзий (заплатив за пузырек осколком своей памяти о матери — теперь образ родительницы в её голове покрывался туманом, словно старая фреска), Алиса чувствовала себя опустошенной. Магический резервуар внутри неё напоминал пересохший колодец.

Она отпустила экипаж графа за два квартала до дома. Ей хотелось пройтись пешком. Ночи Среднего кольца были безопасны лишь условно — стража здесь появлялась часто, но грабители знали расписание патрулей лучше самих гвардейцев. Это была территория риска, а риск всегда хорошо оплачивался адреналином.

Улица Серебряных Якорей сужалась здесь, превращаясь в темный коридор между высокой стеной купеческого банка и чугунной оградой закрытого сада. Фонари горели тускло, их газовые рожки шипели, истекая синим пламенем во влажном воздухе.

Алиса шла медленно, наслаждаясь тяжестью своего нового плаща. Ткань цвета индиго была пропитана составом, делающим её водоотталкивающей, а подкладка скрывала несколько потайных ножен. Она не боялась уличной швали. Обычный грабитель видел в ней богатую добычу; опытный убийца почувствовал бы запах Источника и бежал бы без оглядки.

Они вышли из тени арки бесшумно. Четверо. Грязные шинели поверх кожаных доспехов, лица, замотанные тряпками так, что видны только глаза. Вооружены дешевыми тесаками и свинцовыми дубинками. Профессионалы, работающие чисто и быстро.

— Кошелек и украшения, леди, — прохрипел тот, что стоял впереди. Его голос звучал глухо сквозь повязку. — И мы оставим вам жизнь. Возможно.

Остальные трое начали обходить её с флангов, беря в клещи. Стандартная тактика трупоб. Никакой театральности, просто бизнес.

Алиса остановилась. Она посмотрела на главаря. Левый глаз мужчины был стеклянным протезом, правый — желтым, больным. От него разило дешевым элем и несвежей кровью.

Вместо того чтобы испугаться или полезть за оружием, Алиса улыбнулась. Медленно, хищно. Она позволила усталости испариться, освобождая место холодной ярости.

— Вы ошиблись адресом, господи, — произнесла она. Её

голос прозвучал негромко, но акустика узкой улицы сработала как рупор. Звук ударил по барабанным перепонкам грабителей, заставив их на мгновение замереть. — Здесь нет «леди». Здесь есть хозяйка этого города. А вы сейчас стоите на моей ковровой дорожке.

Главарь моргнул своим единственным живым глазом. Что-то в этой девчонке было не так. Слишком спокойная. Слишком... высокая. Казалось, она стала выше ростом с тех пор, как они окружили её.

— Хватит болтать! — рявкнул он и бросился вперед, занося тяжелый мясницкий тесак.

Именно в этот момент из-за поворота вылетел всадник.

Это был не наемный охранник и не запоздалый гуляка. Конь — огромный вороной дестриэ, боевой зверь весом в тонну живого веса — шел мощным галопом, выбивая искры из брусчатки массивными копытами. Животное казалось выкованным из ночи и гнева.

Всадник управлял им одним коленом. Его руки были заняты другим делом.

Он был закован в полированный черный панцирь ордена Аврелиана. Не парадную жестянку аристократов, а боевую броню имперского паладина — тяжелую, покрытую рунической вязью, которая слабо светилась внутренним белым светом. На груди сиял герб Ордена: сломанная цепь, пронзенная мечом. Лицо рыцаря скрывал глухой шлем с Т-образным визором, но даже сквозь прорезь для глаз исходило ослепи-

тельное, почти болезненное сияние.

Рыцари Аврелиана были мифом и ужасом одновременно. Монахи-воины, связанные строжайшим обетом служения Императора и Кодексу. Они не брали взятки, не женились, не имели собственности. Их клинки решали судьбы изменников Короны. Увидеть одного из них в переулке Среднего кольца верхом на боевом коне было всё равно что встретить ангела мщения собственной персоной.

Грабители опешили. Даже одноглазый вожак застыл с занесенным тесаком. Дестриэ захрапел, опуская голову, готовый растоптать любого по команде хозяина.

— Прочь с дороги чести, падаль, — прогремел голос рыцаря. Он был усилен акустическими мембранами шлема, вибрируя на низкой частоте, от которой ныли зубы.

Трое бандитов на флангах бросили свои дубинки и ринулись обратно в темноту арки. Дисциплина маргиналов рухнула мгновенно перед лицом абсолютной власти. Но вожак остался. То ли безумие, то ли отчаяние, то ли слишком много выпитого эля удержали его на месте. Он сделал выпад, целясь тесаком в бок коня.

То, что произошло дальше, заняло меньше трех секунд, но для Алисы время растянулось в тягучую патоку.

Рыцарь даже не повернул головы. Его правая рука молниеносно легла на рукоять двуручного клеймора, закрепленного за спиной вертикально. Лезвие вышло из ножен со звуком разрываемого шелка — *ш-ш-ших*. Огромный, в рост че-

ловека, клинок матовой стали вспыхнул белым огнем, активировав встроенные боевые чары против плоти.

Клеймор описал короткую дугу. Рыцарь нанес удар, не глядя, продолжая смотреть прямо перед собой. Прямо на Алису.

Одноглазый попытался отскочить. Ему не хватило доли секунды. Клеймор прошел сквозь его плечо, ключицу и грудную клетку, не встретив сопротивления — руны на стали игнорировали законы трения и плотности. Верхняя половина туловища грабителя отделилась от нижней, зависла в воздухе на мгновение, заливая стену банка фонтанами артериальной крови, а затем рухнула в грязь. Нижняя часть еще секунду стояла, дергаясь, прежде чем колени подогнулись.

Конь переступил через брызги. Двое оставшихся бандитов, замешкавшихся в арке, попытались бежать. Рыцарь прищипорил дестриэ. Огромный жеребец прыгнул вперед, сбивая одного налетчика грудью и ломая ему позвоночник о каменную кладку. Второй получил удар латным сапогом в лицо — звук трескающегося черепа был похож на расколотый орех.

Секунда тишины. Только шум дождя и хриплое дыхание боевого коня. Четыре тела корчились на мостовой, превращая переулок в бойню.

Алиса не сдвинулась с места ни на дюйм. Капюшон её плаща откинулся назад во время короткой схватки, и тяжелые медные волосы рассыпались по плечам, впитывая дождевую влагу. Она смотрела на рыцаря. Сквозь прорези шлема она

видела ответный взгляд — яростный, фанатичный, слеplенный из света Имперской присяги.

И тогда она сделала шаг вперед. Прямо в лужу теплой крови.

Она подняла руку. Не угрожающе, не просяще. Просто указала пальцем на рыцаря. И сняла защиту.

До этого момента её красота была скрыта слоями дорогой ткани, холодным высокомерием и физическим расстоянием. Сейчас, истощенная алхимией, стоящая в свете газового фонаря посреди разорванных тел, с волосами цвета расплавленной меди, стекающими по бледной коже, она предстала перед ним во всей полноте.

Но она добавила кое-что ещё. Искусство. Формулу, которую подсмотрела в Книге накануне. Смесь феромонов высшего порядка, визуальной суггестии и прямого посыла в миндалевидное тело мозга. Чистейшая эссенция желания, очищенная от похоти и сведенная к форме абсолютного преклонения.

Для обычного человека это выглядело бы как смерть от сердечного приступа. Для женщины — как невыносимая зависть. Для мужчины...

Рыцарь ордена Аврелиана должен был обладать железной волей. Его разум годами тренировался отсекал земные соблазны ради служения. Он убивал еретиков, демонов и изменников десятками. Он смотрел в глаза смерти и не моргал.

Но он никогда не встречал Алису.

Белый огонь в его глазах дрогнул. Визор шлема покрылся изнутри испариной. Священные руны на его броне внезапно сменили цвет с белого на болезненно-розовый, а затем на глубокий багровый.

Дестриэ под ним беспокойно заржал, чувствуя, как меняется химический состав пота хозяина. Конь попятился, мотая головой, пытаясь сбросить невидимую тяжесть, повисшую в воздухе.

— Во имя Четверых... — прошептал рыцарь. Голос в динамиках шлема сорвался, став вдруг молодым, срывающимся, полным боли и восторга. — Кто... кто ты?

Алиса подошла ближе. Теперь она стояла в двух шагах от огромного боевого коня. Она могла бы достать рукой до колена всадника.

— Ты пролил кровь на моих улицах, — сказала она мягко. Её голос обволакивал, проникал сквозь фильтры шлема напрямую в слуховой нерв. — Ты испортил мой вечер сценой насилия. Разве так подобает вести себя благородному господину?

Рыцарь издал странный, булькающий звук. Попытался поднять правую руку с клеймором, направить острие на девушку. Оружие должно было покарать святотатство. Должно было защитить его душу от этого вторжения. Но мышцы отказались подчиняться. Нейронные связи плавились под воздействием магии Алисы. Его мозг кричал: «Убей чудовище!», а сердце заходило в экстазе обожания.

— Спешься, — приказала она.

Это слово стало последней каплей. Послушание было смыслом его жизни. Приказывать могли только Магистр Ордена или Император. Но вибрации этого голоса перекрыли все остальные догматы.

Паладин неловко, тяжело сполз с седла. Закованный в сорок килограммов черной стали, он рухнул на колени прямо в грязь и внутренности убитого им грабителя. Шлем с лязгом уткнулся в брусчатку перед её башмаками.

— Госпожа... — выдохнул он. Из дыхательной решетки пахло горячим воздухом, пропитанным ладаном и железом. — Моя жизнь принадлежит вам. Мой меч — ваш. Мой щит — ваша грудь. Прикажите мне умереть, и я брошусь на свой клинок с песней благодарности.

Алиса наклонилась. Она взяла пальцами его за подбородочную пластину шлема и заставила поднять голову. Через мокрый металл она чувствовала жар его кожи. Губы рыцаря дрожали. По щеке, небритой уже несколько дней, катилась слеза, оставляя чистую дорожку на грязном лице.

— Умереть? — она усмехнулась. Уголки её губ изогнулись в презрительной полуулыбке. — Как банально. Мне не нужны мертвые герои, рыцарь. Мертвецы плохо платят налоги и не умеют чистить обувь. Поднимись.

Он вскочил так стремительно, что зазвенели сочленения брони. Стоял навывтяжку, преданно поедая её глазами. Белый свет вокруг него начал пульсировать в такт её сердцеби-

ению. Связь установилась. Глубокая, ментальная, практически неразрывная рабская печать, замаскированная под священный обет любви.

— Как тебя зовут? — спросила она, снимая перчатку и касаясь его нагрудника кончиками пальцев. Холод металла обжег её кожу, но она не подала виду. — Сир Грегор из Дома Валерианов, Первый Клинок Восточной Марки, — отчеканил он. Имя великого рода ничего не значило для Алисы, но сам факт перечисления титулов говорил о многом — перед ней стоял один из лучших воинов Империи. Человек, чьи предки подписывали Хартию Вольностей. — Сир Грегор, — повторила она, пробуя имя на вкус. — Звучит громко. Слишком громко для моего пса. Собаки должны иметь короткие имена. Я буду звать тебя Рекс.

Лицо парня за визором исказилось. Дом Валерианов правил провинциями пять веков. Назвать наследника древней крови собакой — оскорбление, за которое раньше начинали столетние войны. Но вместо ярости Грегор-Рекс испытал приступ чистого счастья. Если Госпоже угодно видеть в нем пса — значит, быть псом великая честь.

— Да, моя Госпожа, — прошептал он. — Я ваш Рекс.

— Отлично, Рекс, — Алиса обошла его кругом, разглядывая трофей. Броня была шедевром инженерной мысли, но покрыта пятнами грязи и чужой крови. — У нас проблема. Ты слишком заметен. И слишком воняешь смертью. Мы идем ко мне домой. Там ты снимешь эту консервную банку.

Примешь ванну с маслами. И научишься дышать тише.

Она достала из кармана платиновую булавку для волос, украденную вчера у жены министра. — Держи. Продашь ювелиру Финчу завтра утром. Денег хватит снять приличную квартиру в этом районе. Поближе ко мне. Ты переезжаешь в город. Твоя служба начинается сейчас.

Рекс взял булавку огромной, закованной в латную рукавицу рукой так осторожно, словно это была бабочка. — А Орден? Мой долг перед Императором?

— Твой единственный долг — передо мной, — отрезала Алиса. — Всё остальное аннулируется. Если Магистр спросит, скажешь, что выполняешь мое тайное поручение государственной важности. Если попытаются забрать тебя силой — убей их. Я дам тебе право убивать кого угодно, если это потребуется для моего комфорта. Понял условия контракта?

— Полностью, Госпожа, — кивнул он. Его голос больше не срывался. В нём появилась новая твердость — фанатизм влюбленного пополам с дисциплиной солдата. Идеальное сочетание.

Алиса свистнула особым образом. Из темноты соседней подворотни, где минуту назад прятались остатки банды, показалась фигура. Это был Томас. Мальчик следовал за сестрой на расстоянии двух кварталов всю дорогу — её приказ. Страх за брата был единственной слабостью, которую она позволяла себе контролировать, используя ребенка как приманку и запасной план.

— Брат, иди сюда, — позвала Алиса.

Томас подбежал, кутаясь в курточку. Увидев гору трупов и гигантского черного коня, он замер, открыв рот. — Это твой друг? — спросил мальчик. — Это наша новая мебель, — ответила Алиса. — Очень большая и очень послушная. Поздоровайся с Рексом.

Мальчик протянул ладошку. Рыцарь, закованный в сталь, упал на одно колено — движение получилось неожиданно изящным для горы металла — и бережно, самыми кончиками пальцев, пожал руку ребенка. — Для вас, молодой господин, я всегда доступен, — прохрипел Рекс. — Любой час дня и ночи.

Особняк «Вдовьи слезы» содрогнулся, когда в холл вошел сир Грегор. Без коня, но всё еще в броне. Звук шагов тяжелого рыцаря по мрамору отдавался гулким эхом, пугая сонную кухарку, вышедшую проверить источник шума.

Алиса сбросила мокрый плащ прямо на пол. — Сюда, — велела она, направляясь к лестнице для слуг. — Парадные залы не для головорезов. Даже если они мои личные головорезы.

Она привела его в котельную и прачечную — просторное помещение с низким потолком, трубами отопления и огромным медным баком для кипячения белья. Здесь было жарко и сыро. Запахи мыла и пара перебивали вонь битвы.

— Раздевайся, — приказала она.

Рекс начал отстегивать ремешки наручей. Движения были автоматическими, механическими. Служба. Повиновение. Когда он снял шлем, Алиса увидела его лицо впервые. Молодое. Лет двадцать пять. Резкие черты северянина, светлые волосы, слипшиеся от пота, шрам через левую бровь. Глаза — светло-голубые, почти прозрачные — смотрели на неё с собачьей преданностью. Он был красив той суровой, опасной красотой, которая сводит женщин с ума обещанием защиты.

— Вода, — коротко бросила Алиса.

Рекс подошел к баку. Сунул руку в кипяток, проверяя температуру. Обычный человек сварился бы заживо. Паладин Ордена Аврелиана обладал повышенной сопротивляемостью к температурам благодаря молитвам и ауре. Он нашел воду «приемлемой» — градусов шестьдесят — и начал наполнять деревянную лохань.

Алиса села на перевернутый ящик, наблюдая. Она устала. Бой высосал остатки сил после алхимической лавки. Но зрелище того стоило. Наблюдать, как машина для убийства превращается в покорного слугу — это давало более мощный выброс эндорфинов, чем любой секс, о котором щебетали дамы в салоне Элоизы.

— Твоя броня останется здесь, — сказала она, когда он закончил с водой. — Завтра придет портной. Сошьет тебе гражданское платье. Черное. Шелк. Никаких мечей на поясе. Ты будешь моим телохранителем-тенью. Люди видят рыцаря

— люди пугаются и задают вопросы. Люди видят элегантно-го мужчину рядом со мной — они завидуют и молчат.

— Как прикажете, Госпожа, — Рекс начал расстегивать кирасу. Металл гроыхал о каменный пол.

— Почему ты напал на них? — спросила Алиса, наклоняя голову. — Обычно рыцари вашего ранга ездят с эскортом из десяти таких же истуканов. Что забыл Первый Клинок Марки в грязном переулке без сопровождения?

Рекс замер, расстегивая пояс с кинжалом. Вопрос попал в цель. Его фанатичная улыбка чуть померкла, обнажая человеческую растерянность. — Опала, — тихо ответил он, складывая ремень на скамью. — Я... я позволил себе увлечение. Дочь советника Императора. Платоническое, клянусь честью! Мы обменивались письмами. Магистр счел это нарушением celibата и угрозой политическим союзам. Меня лишили звания Первого Клинка. Отправили патрулировать канализационные коллекторы Южного порта в наказание. Сказали, год чистить выгребные ямы пойдет на пользу моему смирению.

Алиса рассмеялась. Впервые за долгое время искренне, звонко. Картина унижения надменного церковника доставляла физическое удовольствие. — Канализационный рыцарь, — выдохнула она сквозь смех. — Значит, ты был зол. И одинок. И тут я. Удобно.

— Это судьба! — горячо воскликнул Рекс, делая шаг к ней. — Знамение! Я слышал крик вашей души в темноте.

Орден учит слышать чистоту среди скверны. Ваша чистота сияла, как маяк!

Алиса закатила глаза. Романтический бред верующего всегда утомителен. — Твоя «чистота» сегодня стоила городу четырех покойников и одного элитного скакуна, который сейчас гадит на брусчатку перед банком. Практичнее, Рекс. Всегда будь практичнее. Судьба — это бухгалтерия.

Она встала и подошла к нему вплотную. Рекс возвышался над ней как башня, источая жар разогретого тела и пар горячей воды.

— Посмотри на меня, — велела она.

Его голубые глаза вперились в неё. Алиса запустила тонкий щуп воли. Не грубое подчинение, как с Клещом. И не животную страсть, как с графом Нортгейтом. Это была хирургическая операция. Она нашла в его мозгу центр религиозного экстаза, узел веры, отвечающий за поклонение Высшему, и аккуратно, ювелирно перенастроила вектор. Раньше там был Император и Кодекс. Теперь осталась только она.

— Ты чувствуешь это? — прошептала она. — Благодать, — прошептал он в ответ, пошатнувшись. Колени его ослабли. — Ваше присутствие — сама благодать, Госпожа.

— Нет, — она коснулась пальцем его груди, оставив красный след ногтя на влажной коже. — Это химия. Биология. Я переписываю твою прошивку. Считай это бесплатным апгрейдом. Отныне твоя вера будет давать тебе силу только через меня. Если я исчезну, ты станешь пустышкой. Овощем.

Понимаешь?

— Да, Госпожа, — счастливо кивнул он. — Делайте со мной всё, что хотите. Я — глина в ваших руках.

— Именно, — кивнула Алиса. — А теперь марш в воду. Остуди пыл. И учись пользоваться мылом самостоятельно. Слуг я тебе выделю позже, сначала нужно научить тебя не убивать их случайно взглядом.

Рекс неуклюже, стесняясь своей наготы перед ней — хотя стыд давно был выжжен из него уставом Ордена — погрузился в горячую воду. Деревянная лохань жалобно скрипнула под его весом. Пар окутал его торс.

Алиса развернулась и пошла к выходу, на ходу расстегивая воротник платья. В дверях она обернулась. — Ах да, Рекс. Насчет дочери советника. Напиши ей письмо. Скажи, что нашел нечто гораздо более интересное, чем сопливые стихи. Пусть страдает. Страдания полезны для души. Особенно чужие.

Она вышла, плотно прикрыв за собой дверь. В спину ей ударил плеск воды и счастливый вздох рыцаря, наконец-то нашедшего свое истинное место в мироздании.

Вернувшись в кабинет, Алиса упала в кресло. Усталость навалилась многотонной плитой. Книга на столе жадно потянулась к ней, страницы зашуршали, поглощая эхо недавней резни и волну чистой, незамутненной преданности, исходящую от ванной комнаты. Символы вспыхнули ярко, насыщаясь эмоциями новообращенного фанатика. Энергия святого

воина оказалась невероятно питательной — чище и концентрированное страха толпы.

Алиса вытянула ноги. За окном дождь усилился, барабаны по стеклу ритм похоронного марша для старого Аврелиана.

Её свита росла. Клещ — глаза и уши дна. Граф Нортгейт — ключ к дверям знати. Рекс — клыки и когти. Абсолютное оружие, привязанное к ней мистическим обетом круче любых цепей.

Она создала армию. Однорукого счетовода, продажного дипломата и святого берсерка. Достаточно, чтобы начать игру по-крупному.

Бал у Канцлера через две недели. До этого времени Рекса нужно отмыть, переодеть и научить пользоваться вилок. Томаса — приставить к лучшим учителям. А Клеща — отправить искать информацию о том, почему Главный Казначей Империи внезапно начал скупать недвижимость в районах, которые должны уйти под воду согласно плану расширения гавани.

Алиса закрыла глаза. Образ рыцаря, стоящего на коленях в грязи, вызвал у неё удовлетворенную улыбку. Красота открывает двери. Деньги покупают товар. Но способность заставить бога войны упасть перед тобой в лужу чужой крови и предложить свою шею для ошейника — вот это и есть настоящий вкус богатства.

Глава 5. Салон отверженных

Зима в Аврелиане всегда наступала внезапно. Вчера улицы хлюпали жидкой грязью, а сегодня ударил мороз, сковавший лужи хрустящей корочкой и превративший грязь Трущоб в серый лед. Особняк «Вдовьи слезы» встретил это похолодание во всеоружии.

За три недели Алиса перестроила его изнутри, как перестраивают старый корабль перед выходом в бурные воды. Комнаты для приемов на первом этаже избавились от пыльной мебели беглого судовладельца. Стены затянули тяжелым шелком цвета запекшейся крови. Каминны изрыгали такое жаркое пламя, что мраморные порталы начали трескаться от жара — результат небольшого вмешательства Источника в законы термодинамики.

Но главным изменением стали люди.

Сир Грегор, или просто Рекс, прошел курс ускоренной социализации. Процесс был болезненным — для мебели. Алиса лично сломала о его спину две дубовые трости, когда он пытался использовать армейский рык вместо светской беседы с прачками. Теперь он носил костюмы из тонкой шерсти, пошитые у Жильбера за баснословные деньги. Броню спрятали в подвале под слоем угля. Из рыцаря-фанатика он превратился в идеального мажордома-телохранителя: молчаливого, смертоносного и смотрящего на хозяйку так, слов-

но она была солнцем, вокруг которого вращается вселенная. Он научился открывать двери перед гостями ровно за полсекунды до того, как они собирались постучать, и смешивать абсент с пропорцией аптекарской точности.

Граф Нортгейт стал её правой рукой в логистике. Его аристократическая бледность теперь объяснялась не страхом, а хроническим недосыпом. Он носился по городу, рассылая приглашения, закупая коллекционные вина и договариваясь с поставщиками провизии. Граф делал всё добровольно, с мазохистским рвением человека, который знает, что его жизнь висит на волоске, но этот волосок принадлежит богине.

Клещ оставался невидимым фундаментом. Через сеть нищих и карманников он собирал информацию. Именно он шепнул Алисе, что баронесса де Витторио (Элоиза) собирает коалицию старых матрон против неё. — Они называют вас «Грязевой королевой», госпожа, — докладывал старик, сидя на полу в кабинете и боясь поднять глаза. — Говорят, вы спите в гробу, наполненном золотом мертвецов, и высываете мужей через соломинку прямо на балах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.